

A movie poster for the film 'Kolychev'. The top half features a woman with long blonde hair wearing dark sunglasses and a black turtleneck, holding a lit cigarette. To her right is a man in a white shirt and sunglasses, holding a handgun. The background is dark with dramatic lighting. The title 'КОЛЫЧЕВ' is written in large white letters across the middle. Below it is a yellow banner with red text. At the bottom, the phrase 'ЗДРАВСТВУЙ, МУРКА, И ПРОЩАЙ!' is written in large white and red letters.

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ЗДРАВСТВУЙ, МУРКА,
И ПРОЩАЙ!

Владимир Григорьевич Колычев Здравствуй, Мурка, и прощай!

Серия «Колычев. Мастер
криминальной интриги»

Серия «Колычев. Русский шансон»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164709

Владимир Колычев. Здравствуй, Мурка, и прощай: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-24140-8

Аннотация

Лихая девка Маруся Климова! Не зря она родная дочь вора в законе. Поначалу сама чистила богатых, потом сколотила банду таких же лихих молодых пацанов. Стали они наезжать на цеховиков, бомбили их хаты, брали деньги и золото. Слава о бесстрашной Мурке пошла гулять среди братвы. Но вдруг полюбила она крутого парня Игната, и тут все дела пошли наперекосяк. То менты на хвост сядут, то пацаны на засаду нарвутся. Игнат-то опером оказался, и с помощью Мурки банду выследил. Такого братва не прощает, нарвалась Мурка на пулю. Но если у кошки девять жизней, то у Мурки точно две...

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	40
Глава 4	52
Глава 5	68
Глава 6	81
Глава 7	94
Глава 8	108
Глава 9	125
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Владимир Колычев

Здравствуй, Мурка, и прощай

Часть I
1981—1985 гг.

Глава 1

Холодный ветер швырял в лицо мокрый снег. Продрогшие до костей могильщики торопливо орудовали лопатами – забрасывали землей грубо сколоченный гроб.

Марина замерзла, но не холод сотрясал ее хрупкое девичье тело – ее колотила изнутри нервная дрожь. Хоронили ее мать... Нет больше мамы, нет больше самого дорогого на свете человека. И как теперь жить дальше?

– Марина, нам уже пора, пошли!

Тетя Лида взяла ее за руку. Но девушка вырвалась. Она не хотела уходить. Еще оставалась глупая надежда, что мама жива – уснула летаргическим сном, бывает же такое. Сейчас вот проснется, станет стучать в крышку гроба, а могильщи-

ки сделают вид, что не услышали. А она точно услышит и заставит их раскопать маму...

– Марина, нельзя так, простынешь ведь, – пыталась вразумить ее тетя.

Но бесполезно. Марина ждала до тех пор, пока над свежим холмиком не возвысился деревянный крест. Только тогда повернулась к могиле спиной...

Старый разболтанный автобус уже уехал – увез провожающих и вместе с ними тетю Лиду. Зато остался ее муж – дядя Слава. Он ждал Марину в своей машине.

Дядя Слава был под стать своему «Москвичу». Худой, угловатый. Лицо узкое, но вытянуто вперед. Узкие губы, выступающие вперед зубы – ни дать ни взять бампер с клыками. Голова такая же лысая, как резина на старых колесах. Ворчливый, скрипучий...

– Да не убивайся ты так, – вздохнул дядя Слава. – Все там будем... А то, что одна осталась, так за это переживать не надо. Мы тебя, девочка, к себе возьмем...

Марина молча смотрела на уходящую под колеса дорогу. «Дворники» отмахивались от бьющихся в стекло сжиженных снежинок. Там, за окном, – холодно, ветрено и мокро. Там, за окном, – промозглый мир, где осталось кладбище с материнской могилой. Мир, где остался отец – вор-рецидивист, ныне отбывающий очередной срок... А в машине тепло. Это совсем другой мир. Дядя Слава хоть и неказистый с виду, но видно, что человек в общем-то положительный.

Пьет вроде бы в меру, совсем не курит, матом не ругается. И тетя Лида не пьющая. Тоже не курит и не матерится. Оба зарабатывают на жизнь честным трудом. А вот детей у них нет. И никогда не было.

А мама пила. И дымила как паровоз. Но не ругалась, не скандалила. Собутыльников в дом не водила. И Марину любила. В свое время бездетная тетя Лида пыталась забрать у сестры дочь, но та ни в какую. Не отдам, и все! Да Марина бы и не бросила мать. Пусть она и пьяница, но ведь мать...

Но нет больше мамы. А Марине всего пятнадцать... «Всего» – это для тети Лиды. Сама-то она знает, что уже может позаботиться о себе. Не пропадет она в этой жизни. Но раз тетя Лида решила ее забрать к себе, почему бы не подыграть ей. Пусть она остается в ее глазах маленькой беззащитной девочкой, которую нужно опекать и оберегать от жизненных невзгод. Тем более что Марина благодарна тетке – та и похороны организовала, и поминки.

Машина остановилась возле маленькой покосившейся избушки. Просевшая крыша, развалившееся крыльцо, поросший травой двор. Здесь и жила Марина вместе с мамой. Жила. Все уже в прошедшем времени.

Людей на поминках было чуть-чуть. В основном забулдыги. Тетя Лида не очень-то старалась скрыть свое пренебрежение к ним. Накормила, налила каждому три раза по сто и выставила за дверь.

Битую посуду оставили в доме. Все, что было более или

менее ценным, загрузили в машину. Не пропадать же добру – рассудила тетка. Марине было все равно. Пусть хоть весь дом на буксир берут да к себе везут.

Утром дядя Слава запряг свою «телегу», и Марина отправилась в путь. К обеду была на месте.

Тетя Лида и дядя Слава уверяли, что живут в Москве. В собственной благоустроенной квартире. Но, как выяснилось, жили они на окраине небольшого подмосковного города, километрах в тридцати от столицы. Трехэтажный дом старой постройки с позеленевшей от времени крышей. Захламленный двор с огромными лужами и пеньками вместо деревьев. В подъезде воняло мочой. Благоустроенная квартира представляла собой двухкомнатное жилище с узкой – не развернешься – прихожей и тесной кухонькой. Дешевенькие, но свежие обои на стенах, старенькая, но хорошо сохранившаяся мебель, черно-белый телевизор на ножках. Санузел – крохотная каморка, куда еле вмещался унитаз. Это же и душевая.

Тетя Лида провела Марину в небольшую, с маленьким окном комнатенку. Кушетка, шкаф, книжная полка, трельяж, на полу – старый затертый коврик.

– Твоя комната! – произнесла она с видом, будто вселяла племянницу в царские палаты.

– Мне нравится, – скупно улыбнулась Марина.

О царских палатах она и не мечтала. Комнатка ее вполне устраивала.

– Давай располагайся. И на кухню. Ужин будем готовить.

Марине пришлось скрывать свое недовольство. Готовить она не умела да и не любила. Но скажи тетке такое, сразу же нарвешься на нравоучение – приличные девушки должны уметь вести домашнее хозяйство. Не говорить же ей в ответ, что у нее нет никакого желания быть приличной девушкой.

* * *

Май – месяц непредсказуемый. Вчера было холодно, с неба валил мокрый снег. А сегодня с утра солнце. К обеду все просохло. В парке зелено, сиренью пахнет. Красота, короче. А то, что лавки грязные, так это ерунда. Спинки на скамьях широкие, покатые – само то, чтобы задки на них мостить. Высоко сидишь – далеко глядишь.

А вдали парочка под парусами. Парниша в темном костюмчике и девка в светлом плаще. Смазливая бикса. Чисто березка. Загинай и ломай... Но Капрон никого заламывать не собирался. С хорем девка, значит, занята. Ну, хахаля можно и под замес пустить, не проблема. Только тогда сам в раж войдешь. И уже не остановишься – тогда уж точно «березку» разлохматить придется. А это косяк. Не по понятиям – мохнатые сейфы вскрывать. Если менты за это дело закроют, тогда хана – на киче насильников опускают влет. Так что уж лучше не задираться.

Капрон ловким движением выбил из пачки папиросу, су-

нул ее в рот, зубами смял мундштук. Полез за спичками. Но в кармане пусто. Посеял где-то чирки. Многозначительно глянул на Кнута. Может, он огоньком подогреет. Но кореш расценил его взгляд по-своему. Вскочил с лавки, перегородил путь парочке.

– Васек, прикурить дай! – хищно осклабился он.

– Я не Васек, – покачал головой парень.

Капрон внимательно смотрел на него. Крепенький с виду чувак. Высокий, не слабого сложения. Черные курчавые волосы, вывеска не хилая – мощные надбровные дуги, широкий подбородок с ямочкой. Взгляд прямой, борзоватый. Он не боялся Кнута. И его кенты – Капрон и Анисим – нисколько его не смущают. За фраеров он, что ли, их держит? Капрон почувствовал, как закипает в жилах кровь.

– Сказал Васек, значит, Васек... – продолжал наезжать Кнут. – Прикурить, говорю, дай!

– Не курю!

– Ты чо, тупой, в натуре? Тебе чо, ума дать?

Капрон сунул руку в карман, нанизал на пальцы кастет. Вместе с ним со своего места подорвался и Анисим. Нехорошо втроем на одного. Но еще хуже, когда васьки да ваньки борзеть начинают. Нет чтобы сказать, типа, извините, пацаны, не курю. А то – НЕ КУРЮ!

Кнут уже готов был пустить в ход кулаки. Но он ждал, когда Анисим зайдет к жертве с тыла.

– Так тебе прикурить дать?! – изумленно протянул парень.

И тут же подался вперед – резким и свирепым движением боднул Кнута лбом в нос. Убойный удар. Капрон аж вздрогнул – настолько все произошло быстро и неожиданно.

Но замешательство длилось мгновение. Вот уже его шипованный кулак летит в цель. Бить он умеет – сколько народу перемолотил. Но сегодня ему явно не фартило. Жертва никак не хотела становиться жертвой. И вывеску свою под удар подставлять не собиралась.

Парень ловко уклонился в сторону, и кастет разорвал лишь пустоту. Капрон стал отводить руку назад, но та вдруг оказалась в жестком захвате. Резкая боль, хруст сломанной кости... Капрон стиснул зубы, чтобы не выпустить наружу протяжный вопль...

Фраерок решил, что с ним покончено. Отпустил его, чтобы заняться Анисимом. А тот облажался. Нет чтобы наброситься на бугая с кулаками в тот момент, когда тот ломал Капрона. Напал бы со спины да вломил бы загривку. Так нет – за выкидухой полез. Пока раскнопил перо, время прошло. И когда он пустил в ход свой нож, черт был уже на стреме. Ловко взял Анисима на прием, эффектно швырнул его через бедро и с такой силой припечатал кулаком к асфальту его башку – как только мозги через уши не вылезли.

У Капрона была сломана рука, мозги плавилась от боли. Но все же он не вышел из боя. Пока ломом опоясанный фраер занимался Анисимом, он вытащил из кармана кнопарь, выщелкнул лезвие. И с пикой наголо ринулся на противни-

ка. Но, увы, тот успел среагировать. Нож вспорол лишь материю на его пиджаке... И вторая рука оказалась в жестком захвате. Прием, бросок, удар...

Когда Капрон пришел в себя, виновника его позора на месте уже не было. Сам ушел и подругу свою увел. Кнут сидел на траве под кустом – держался руками за раздавленный нос, кусал губы. Анисим тоже оклемался, но с земли еще не поднялся. Над глазом надувается огромная шишка. В глазах боль и недоумение.

– Бляха, как последних бакланов сделали, – простонал Кнут.

– Ты ше сам... Тьфу ты! – Капрон выплюнул изо рта обломки передних зубов. – Ты ше прикурить хотел... Вот нам и дали... А этого козла мы еще встретим...

– Попишу, суку! – зло прошипел Анисим.

– А ту шалаву на кукан, – решил Кнут. – Бля буду, распашу вдоль и поперек!

– А плуг, смотри, не сломай, да!

Кaprон был зол и на парня, и на его девку. Первого он готов был убить. И убьет – придет время. Тот хоть и крутой, но если втихую зайти к нему со спины да темной ночью, он даже дернуться не успеет, как перо проткнет ему почку... И девку можно кончить, если она в тот момент рядом с ним окажется. А лохматить ее не надо... Правильный пацан может убивать, а насиловать – ни-ни...

А Капрон был правильным пацаном. Три года он мотал

срок на зоне. Колония называлась детской, но понятия там совсем не детские. Там он жил чисто по понятиям. Там его братва держала за правильного пацана. Там ему и объяснили, что нужно делать с борзыми фраерами. Поднял руку на честного вора – вешайся сам или получай перо под ребро...

* * *

Рука под гипсом ныла и взывала о мести. Но Капрон даже не знал, кому мстить. Где живет обидчик? Как его зовут? Эти вопросы оставались без ответа. Но ничего, рано или поздно он выйдет на борзого фраера, спросит с него за все.

А Кнут больше думал о бабе. Поймать и отыметь. И, похоже, месть здесь была ни при чем. Чесалось у него в одном месте не слабо. Тонька Снегурка могла бы ему почесать. Но ее, как назло, в диспансере закрыли. Мужика какого-то триппером заразила, а тот взял да вложил ее. Вот и отправили девку на принудительное излечение. А Кнуту нейдется. На баб как собака бросается. Те от него шарахаются, как от чумного.

– Во, гля, какая бикса шпарит! – взбудораженно толкнул он Капрона локтем.

– Заманал, в натуре! – не выдержал тот.

Достал его этот озабоченный.

Они сидели в ржавой железной беседке во дворе дома, где жил Анисим. На земле по центру деревянный ящик, на нем два «огнетушителя», граненые стаканы. Надо же было чем-

то заняться от не фиг делать. Заодно и боль заглушить. У Капрона рука ноет, у Кнута болит сломанный нос, у Анисима до сих пор башка гудит после удара.

– Да ты глянь, глянь! – не унимался Кнут.

Капрон повел взглядом в сторону, куда он тыкал пальцем. И увидел девчонку лет шестнадцати. Каштанового цвета волосы, смазливая мордашка, глаза – два иссиня-черных уголька. А фигурка... Старенькое платье с коротким подолом и длинными рукавами трещало по швам под натиском округлявшихся форм. Наливающаяся грудь, тонкая талия, ножки длинные, стройные... Да, на такой крале можно глаза оставить. А Кнут еще и болт свой за ней вприпрыжку пустил. Не удержался и сам за ней ломанулся. Капрон также не мог удержаться на месте – двинулся вслед за ним.

Кнут обогнал девчонку, перегородил ей путь.

– Привет!

Глаза у пацана горят, слюнки текут.

– Тебе чего? – спокойно спросила девчонка.

Вид у Кнута устрашающий. Морда лица такая – слабо-нервным на него лучше не смотреть, а то ночью кошмары замучают. Да и дерганый он очень. Особенно когда волнуется. Плечи ходуном, руки вразлет. Такое ощущение, что вот-вот ударит собеседника... А девчонка смотрит на него и хоть бы хны. Ни малейшего испуга во взгляде. Только интерес и удивление.

– А ты что, живешь здесь? – спросил Кнут.

– Живу. Уже три дня. А что?

– Да не видел я тебя раньше, вот чего. Как зовут?

– Марина.

– Тебя никто не обижает, Маринка?

– Нет.

– А могут обидеть. Но если ты будешь со мной дружить, тебя ни одна падла не тронет.

– Даже ты?

Кнут напряг мозги. Не может понять, то ли девчонка хочет с ним дружить чисто по-детски, типа без рук, то ли она его самого за падлу держит.

– Ты это, короче, ты давай меня не напрягай, да! – скривился он.

– Что, сразу давать? – усмехнулась она.

– А чо, можно и сразу! – встрепенулся Кнут. – Прямо сейчас можешь и дать!

– Что, прямо здесь?

– Ну зачем здесь? Тут местечко одно есть. За гаражами. Травка зеленеет, солнышко типа блестит, да...

– У меня платье чистое, можно испачкаться. – Маринка сказала это с таким видом, как будто уже дала согласие лечь на спину и раздвинуть ноги.

У Капрона внутри все поднялось. Ладно, пусть сначала будет Кнут, раз уж он смог раскрутить девку. А потом будет его очередь. А может, Кнута за собой в очередь поставить? Дать в рог, чтоб не бурел, и задвинуть. Уж больно дев-

ка смачная. Тонька Снегурка по сравнению с ней Баба Яга.

– Так это, что-нибудь придумаем, чтоб не испачкаться.

Возбужденный Кнут схватил Маринку за руку, чтобы тащить ее за гаражи. Но та уперлась. Вырвалась.

– Да подожди ты, не спеши! Я так просто никому не даю!

– А как не просто? – озадачился Кнут.

– Давай в карты сначала сыграем. Если выиграешь, я вся твоя.

Капрон криво усмехнулся. Он знал, что Кнут помешан на картах не меньше, чем на бабах. Если он играет, то у него шесть тузов в одной колоде. А что Маринка в картах понимает? Стопудово проиграет. Тогда уж точно трусы придется снять. Да она и сама это понимает. Поэтому и предложила вариант с картами. Типа она порядочная девка, поэтому без предлога не отдается. Раз уж она такая порядочная, то придется порядок очередности выстроить. Первым будет Кнут, за ним Капрон, а третьим – Анисим. Кстати, порядок очередности можно на тех же картах разыграть. Кому первым туз из колоды выпадет, тот первым и вздрючит эту шалашовку.

– Так ты чо, в стире шпилишься? – ослабился Кнут.

– Как ты сказал? – непонимающе посмотрела на него Маринка.

– Ну, стире – это карты.

– А шпилиться?

– Ну, играть, значит. А можно и без карт шпилиться. Ты это дело любишь?

– Обожаю! Но сначала ты меня на стирах попробуй отшпиль! Сможешь?

– А если смогу?

– Тогда меня отшпилишь. А если нет...

– Тогда что?

– Тогда тебя самого отшпилят.

Маринка сказала это почти ласково. Но Кнут дернулся так, как будто ему вставили.

– Чо ты сказала? – набычился он.

Но девчонка даже глазом не повела.

– А как ты хотел? Баш на баш. зуб за зуб, очко за очко!

– Фью! – восхищенно присвистнул Анисим. – Ну и ну!

И сам Капрон глядел на Маринку другими глазами. Не как на малолетнюю шалаву, а как на отчаянную девчонку.

– Ты чо, гонишь? – вспылил Кнут.

– А разве не ты первый гнать начал? Не ты ли дурака под кожу загнать хотел?

По фене выражение «загнать дурака под кожу» означало половой акт. Оказывается, Маринка и по фене ботать умела. Капрон смотрел на нее широко распахнутыми глазами. Он был очень удивлен.

– Кнут, в натуре, ты не быкуй, не надо! – влез в разговор Анисим. – Тебя же под болт не ставят. Тебе стирки предложили кинуть. Если боишься, откажись, да!

Капрон хотел сказать примерно то же самое. Но промолчал. Не хотелось шепелявить перед Маринкой. Зубы-то он

себе еще не вставил. Не успел. Хотя золото на фиксы имелось. Колечко паленое завалилось, как раз на два зуба.

– Кто боится? – вспенился Кнут. – Я боюсь?! Стиры так стирь, не вопрос! Можно прям щас и начать!

– Ты погоди, не гони лошадей! – Маринка мило улыбалась, но смотрела на него жестко, пронзительно.

Капрон не попадал под этот взгляд, но тем не менее даже ему стало не по себе. Ну и девка!

– Игра под очко – дело серьезное, – продолжала она. – А я тебя, извини, проткнуть не могу. Варианты обговорить надо бы.

– Обговорим, – вместо оторопевшего Кнута сказал Анисим.

Он был заинтригован не меньше Капрона.

– Если ты укатаешь Кнута, то мы его под Робика подставим.

Кнут встрепенулся. Он хорошо знал, кто такой Робик. Этот жулик четыре срока на зоне отмотал. Сейчас он уже не при делах. Но никогда не отказывает, если кого-то опустить надо. Говорят, на зоне он большим охотником до этого дела был. Как говорят и то, что он мог законным вором стать, но именно из-за этой страсти к мужским валторнам бродяги прокатали его на сходе.

Анисим посмотрел на Капрона, и тот кивнул в знак согласия.

– Э-э, пацаны, вы чего! – ошалел от такой постановы Кнут.

– Брат, тебя же никто не заставляет в это дело вмазываться, – резонно заметил Анисим. – Если боишься, давай обратку, и все дела.

– Я давай?! – взвился Кнут. – Это она будет давать! И в хвост, и в гриву! Ты слышишь меня, сука! – вызверился он на Маринку.

– Слышу, – невозмутимо отозвалась та.

Железная девчонка. Капрон смотрел на нее с нескрываемым уважением. Кнут чувствовал, что братва больше поддерживает ее, а не его, и оттого злился еще больше.

– Тогда начнем!

Кнут вытащил из кармана колоду карт.

– Не пойдет, – мотнула головой Маринка. – Чует мое сердце, колода у тебя заряженная.

– А что ты своим очком чуешь?

– Нехорошо так говорить, – укоризненно и вместе с тем проникновенно посмотрела на него девчонка.

И Кнут присмирел под этим взглядом. Похоже, неожиданно для себя присмирел.

– Надо новую колоду купить, – сказала она.

Капрон многозначительно глянул на Анисима. Тот все понял и двинулся в сторону киоска «Союзпечать».

Но Маринку такой вариант не устроил.

– Пошли вместе.

Все правильно, в игре на шанс доверять никому нельзя. Купит сейчас Анисим новые карты да по-быстрому пометит

их, и станет тогда колода кованой. Тогда девчонке хана – придется загибаться перед Кнудом. Ей ведь невдомек, что Капрону вовсе не хочется, чтобы Кнут каруселил ее. Он сам хотел закадрить ее. И не только ради забавы. Не баба, а наваждение какое-то.

В киоске продавались простые карты за рубль пятьдесят. Никаких других вариантов не было. Анисим отстегнул монету, сгреб колоду. Распечатал ее в том самом укромном уголке, о котором говорил Кнут.

Там действительно было классно. С одной стороны гаражи, с другой поросший зеленой травой пустырь. И безлюдно. Три пацана и одна девчонка. И эти три пацана могут сотворить с девчонкой все, что угодно. Без всяких карт. Конечно же, Маринка это понимает. Но ей хоть бы хны.

– В «очко»? – спросил Кнут.

– Я не знаю такой игры, – пристально, немигающим взглядом посмотрела на нее Марина.

– Не знаешь?! А что ты тогда знаешь?

– Знаю, что уважаемые люди называют эту игру «двадцать одно». «Очко» – это для бакланов и кочетов.

– Я не понял, это чо за постановы такие?

Кнут нервничал не по-детски. В глазах суеверный страх. Такое впечатление, будто он заранее сдался.

– Что знаю, то и говорю, – спокойно сказала Маринка.

– И много ты чего знаешь?

– Знаю, что нам лучше всего «триньку» скинуть. На пять

раздач, чтобы для верности...

– Пусть будет «тринька», – стараясь не шепелявить, сказал свое веское слово Капрон.

Сейчас он был не просто центровым пацаном. В данном случае он – разводящий. Ему решать, как играть. И за игрой ему следить, чтобы никакой лажи. Да и какая может быть лажа, если карты не меченые. Кнут может рассчитывать на одно везение. Туза в рукаве у него точно нет. А на что может рассчитывать Маринка? Что будет, если она укатается, то бишь проиграет?

В «триньку» играют на интерес. Туз – одиннадцать очков, любая фигура – десять, «девятка» – девять, и так по нисходящей. У кого на руках больше очков, тот и срывает банк. А в банке очень серьезные ставки.

Маринка получила свои три карты. Глянула на них. Взгляд непроницаемо спокойный, безмятежное выражение лица. Девчонка умеет владеть собой.

А вот Кнут нервничал. Понятное дело, неохота свои булки под раздачу подставлять.

Марина вскрылась первой. «Дама», «семерка» и «шесть». И все разной масти. Не густо. Зато у Кнута на руках две фигуры одной масти...

– А-а-а! – ликующе взвыл он. – Тебе только на флейте играть, дура! Я тебе это устрою!

Один – ноль в пользу Кнута. Но игра продолжалась. Со второй раздачи Кнуту снова подфартило. Два туза!

– Будет тебе флейта! – похабно ощерился он и сделал неприличный жест в сторону Маринки.

Третья раздача. Если девчонка проиграет, тогда ее уже ничто не спасет от «флейты». Капрон невольно стиснул зубы. Он не хотел, чтобы его кореш проигрался. Но еще больше он не хотел, чтобы Маринка легла под него.

– Щас три туза будет! – напороочил себе Кнут.

Он вскрывался первым. И точно, на руках три туза. Такую карту перебить просто нереально.

– Ну чо, кроха, становись на четвереньки, чтобы платье не испачкать! – заржал Кнут.

– Сейчас. Только карты открою, – спокойно сказала Маринка и предъявила три «девятки».

Есть такая игра, в которой туза может побить только «шестьерка». А в «триньке» трех тузов могли перебить только три «девятки». Именно это сейчас и случилось... Никак не ожидал Кнут такого расклада. Реально пацан офигел. Глаза на лбу, челюсть на коленях. Но для него еще далеко не все потеряно. Счет два – один в его пользу. И ему достаточно будет довести его до трех, чтобы на законных правах заломать «березку».

Но Маринка никак не хотела становиться на четвереньки. И снова взяла над Кнутом верх. Тридцать очков против двадцати двух.

Зато при пятой раздаче фортуна подкинула Кнуту те самые тридцать очков... Но Маринка засветила три туза... Три

– два в ее пользу. Три – два в пользу Робики с его долбилкой.

– Э-э, пацаны, не в тему расклад! – Кнут ошалело смотрел на Капрона. – Это неправильно. Переиграть надо.

Капрон лишь сокрушенно развел руками. Игра – это святое. Проигрался – плати по счету. Подставил очко – расплачивайся им.

– Пацаны, вы чего? Мы же в кентах. Мы же один хлеб едим. Так нельзя!

– Брат, тебе же говорили, включай обратку, – уныло вздохнул Анисим. – Какого хрена ты на рожон лез!

– Да кто она такая, пацаны? – Кнут вперил в Маринку ненавистный взгляд. – Откуда она взялась, эта курва?

Ничего другого вперить он ей уже не мог.

– Раньше нужно было спрашивать, – резонно заметил Анисим. – А ты сначала рога вмочил. Плохо, когда болт в голове вместо мозгов. Еще хуже, когда болт сзади.

– Пацаны, вы что, в натуре, под Робику меня подставите?

– А это мне решать! – заявила Маринка. – Могу простить долг, а могу и не простить!

И здесь она была права. Сейчас все зависело только от нее. И хорошо, что Кнут вовремя это понял.

– Марина, сеструха, выручай! – взмолился он. – Не отдавай меня Робику! Лучше убей!

– Убить?! Я подумаю. Завтра скажу, что с тобой делать. А сейчас, извините, парни, мне домой надо! Завтра, в это время и на этом месте. Гуд бай!

Маринка мило улыбнулась, весело помахала на прощание ручкой и скрылась за гаражами. Капрон потрясенно смотрел ей вслед. Атас-баба!

* * *

Марина забросила колоду карт на верхнюю полку шкафа, закрыла дверцы. И легла на кровать поверх покрывала...

Она не обладала даром ясновидения. И карты в «Союзпечати» купила только для того, чтобы пальчики потренировать. А тут этот озабоченный придурок. Пришлось поучить его уму-разуму.

Отец у нее был известным вором. На все руки мастер. И как шулер большой специалист. На матери он женат никогда не был. Но каждый раз после отсидки возвращался к ней. А она его всегда ждала, всегда с радостью принимала. Потому что любила. На этой любви и спилась.

Последний раз батя завис на свободе на целых три года. Два-три месяца на гастролях, один – дома. По такому раскладу и жил. Марину он любил. Но это не мешало чистить ее карманы. И лопатники у нее вытаскивал, и кожняки, и часы золотые. Это он на ней так упражнялся, чтобы чувственность пальчиков не потерять... И ее заодно своему ремеслу обучал. Не для того, чтобы она на жизнь зарабатывала. Когда учишь, тогда и сам учишься – так он говаривал... А Марина оказалась на редкость способной ученицей. Криминальный

талант вдруг обнаружился. И карманы чистить влет научилась, и шулерские приемы чуть ли не в совершенстве познала. Еще кое-что по гипнозу освоила.

Никак не думал Кнут, что у нее кляузная колода в рукаве. Никто не заметил, как ловко она вывела на руку три «девятики»... Видно, что пацаны достаточно опытные, при делах. Видно, что из одной «семьи». А Марина никогда и ни с кем дел не имела. Но на поверку оказалось, что Кнут, Капрон и Анисим – шпана по сравнению с ней.

Надо признать, парни они неплохие. Правильные, можно сказать, пацаны. Все у них по понятиям. Вляпался их кореш в дерьмо, так они за уши вытягивать его оттуда не собирались. И на Марину не наезжали, а ведь могли расстелить ее на мягкой травке и захороводить на троих. Но ведь отпустили. Теперь вот ждут, что скажет она завтра. Помилует Кнута или нет. Конечно же, помилует. В этом городе она никого не знает. А ей нужно общество. Пусть это будет воровская семья, она этому будет только рада. Авантюрного склада у нее душа, и ничего с этим не поделаешь.

Глава 2

В проеме между гаражами мелькнул женский силуэт. Маринка! Но нет, на свет выходит Снегурка...

– Привет, пацаны! А я вас искала!

Лягушачий рот растянут до ушей, в глазах блядские огоньки.

– А-а, Венера пожаловала! – ухмыльнулся Анисим. – Почему нынче триппер?

– По рубль пятьдесят! – ничуть не смутилась Снегурка.

Капрон заметил, как скривился Кнут. Именно столько стоила колода карт, на которой он вчера так жестоко лоханулся.

– И минус четыре копейки, – прикалывался Анисим.

– За гондон? – догадалась Снегурка.

– А они у тебя есть?

– Лечащий врач рекомендовал...

– Смотри, башку оторву, если на конце поймаю!

– А я тебе еще и не дам, Лешечка! – пригрозила Снегурка.

– Кто тебе поверит, – презрительно фыркнул Анисим.

Капрон тоже не верил. Знал, что с этой шалавой можно делать все, что угодно. Не откажет. А иной раз и сама проходу не дает – почешу да почешу... Потом, правда, у самого от мандовошек чешется. Или закапает... Вот Маринка – это да. Крутая. Но видно, что чистая. Ее добиваться нужно. И

бегать за ней не запахло. Вот сказала вчера, что сегодня пацаны должны собраться на этом месте. И собрались. Потому что сейчас от нее зависит судьба Кнута. Она будет судить, и никто не возражает. Даже смешно представить такую ситуацию, что от Снегурки могло бы что-то зависеть. Разве что только конец может зависнуть в ее распахнутых воротах.

– Не веришь? – хихикнула шалава. – Ну и правильно делаешь, что не веришь... Лешенька, я так по тебе соскучилась! Пойдем прогуляемся! Я все для тебя сделаю!

– Сделаешь, – кивнул Анисим. – Не сейчас. Человека мы одного ждем, не видишь, что ли.

– А-а, я так и поняла, что у вас здесь стрелка.

– Тогда какого хрена приперлась? – рыкнул на нее Кнут.

– А-а, тогда я попозже приду, – прижухла Тонька.

– Ты сначала свали, а затем уже приходи.

– Ухожу, ухожу.

Но уйти Снегурка не успела. Появилась Маринка. Все в том же тесном дешевеньком платье. Но смотрится она в нем как английская королева. Круто! И сама она крутая! Капрон не мог отвести от нее восхищенных глаз.

А Кнут смотрел на нее как на злую богиню. Он полностью был в ее руках. И ясно осознавал это.

Снегурка окинула ее презрительным и в то же время завистливым взглядом.

– О, а кто это такая?

– Вали отсюда! – прикрикнул на нее Кнут.

– Ну зачем так грубо? – недовольно посмотрела на него Маринка.

– Это я не тебе!

– Все равно грубо. Это что, твоя подружка?

– Я же не Дед Мороз, чтобы со Снегурками дружить, – буркнул Кнут.

– А она что, Снегурка?

– Ага, Снегурка. Только растаять никак не может.

– Зачем ей таять? Тем более что Дед Мороз рядом.

– Это кто Дед Мороз?

– Ты! Станешь Дедом Морозом – про вчерашнее можешь забыть.

– Это чо, прикол такой?

– Кнут, ты чего, в натуре! – не выдержал Анисим. – С тебя долг списывают. Так что давай доставай свой посох и вали дружить Снегурку.

– Так это в пять секунд!

Кнут схватил Тоньку за руку и потащил в кусты.

– Я же сказала просто дружить! – изумленно и чуточку наивно посмотрела ему вслед Маринка. – Без всяких посохов.

– Извини, подруга, он по-другому дружить не может. Вот вставит свой посох, тогда такая дружба начнется.

– А Снегурка хочет с ним так дружить?

– Не просто хочет, она без посоха жить не может.

– Она что, шалавая?

– Да это у нее на лбу написано!

– А у меня что на лбу написано? – Маринка пронзительно посмотрела на Анисима.

«Ты не такая!» – вместо него хотел сказать Капрон. Но прозвучало другое:

– Ты цену себе не набивай, не надо!

В конце концов он не какой-то там занюханый юнец. Он воровской пацан. Да, Маринка клевая баба. Но она баба. БА-БА! И должна знать свое место. А то расфуфырилась, в натуре. Хочет, чтобы братва у нее в ногах валялась.

– Кто набивает цену? – Она изумленно повела бровью.

Пристально посмотрела на Капрона. На губах ласковая улыбка, а взгляд – жесткое рентгеновское излучение.

– Я цену себе не набиваю. Она и так высокая. Чао!

Маринка повернулась к нему спиной и была такова. Даже ручкой на прощание не помахала.

– Ушла. – Анисим озадаченно почесал затылок.

– Не хрен ей здесь делать, – скривился Капрон. – Кто она такая, чтобы понты здесь кидать? Кнута из-за нее чуть не опустили.

– Так сами же повелись. Есть в ней что-то.

– Да сам знаю, что есть.

– Так зачем наехал?

– А не надо передо мной варганку крутить. Меня, брат, на понт не возьмешь.

Кнут не заставил себя долго ждать.

– А где Маринка? – с ходу спросил он.

Снегурки с ним не было. В кустах осталась.

– Капрон бочку на нее катнул, – ответил Анисим.

– Чего?

– Понтов слишком много, – отозвался Капрон.

– В натуре, темная какая-то баба! – оживился Кнут. –

Мозги заморочила. Может, она ведьма, а?

– Может, и ведьма, – не стал спорить Анисим.

– Так это... эту, как ее... инквизицию... На костре сжечь, короче! А лучше на хор поставить, чего добру пропадать?

Капрон недобро посмотрел на Кнута.

– Хоть пальцем ее тронешь, я тебя сам на хор поставлю!

Ты меня понял?

Кнут вмиг утух. Не мог он тянуть против Капрона. Не хватало мощи. А после того, как он выставил на кон свое очко и проиграл, авторитет его и вовсе упал.

* * *

Москва завораживала и охмуряла. Кремль, купола церквей, ГУМ, ЦУМ. Толпы народа. Мужчины, женщины, дети... И хамы...

– Ну чего на проходе встала, дура? – рывкнул на Марину толстобрюхий красноморд и грубо оттолкнул ее плечом.

Вроде бы солидный мужчина. В костюме, при галстукке. А ведет себя как пьяный Вася со скотобойни. Ну да, на ней же платье старенькое, обувь дешевенькая, волосы простой

резинкой сзади перехвачены. Но так разве ж это повод, чтобы толкать ее?

Марина нагнала нахала, схватила его за плечо, дернула на себя.

– Мужчина, вы должны извиниться!

– Да пошла ты! – огрызнулся он.

И ускорил ход. Не извинился. Что ж, сам во всем виноват.

Марина убралась подальше от ЦУМа, нашла тихий спокойный дворик, отыскала в нем укромное место. И вытащила из убогой хозяйственной сумки роскошный кожаный бумажник. Красноморду нужно было всего лишь извиниться. А он дернулся, да так, что ее рука сама оказалась под полрой его пиджака. И пальчики сами по себе приклеились к лопатнику. Она не хотела, но так получилось. Вернее, она хотела. И получилось...

Она раскрыла бумажник. А там – Клондаик. Сотенные купюры, пятидесятирублевки, четвертаки... Тысячи полторы, не меньше. Вот это улов!

Бумажник сам по себе был дорогим изделием. Натуральная кожа. Но от него нужно избавляться. Как учил Марину незабвенный папашка – от улик нужно избавляться сразу. Брать нужно только деньги.

Как ни странно, но это была ее первая кража. Отец многому ее научил, но с собой на дело никогда не брал. Она как-то попросилась, но получила подзатыльник. Дескать, не бабское это дело. Да и скользкая это дорожка, прямиком на на-

ры. Именно эта дорожка в очередной раз отправила батю на этап. Без него Марина могла бы использовать свои криминальные знания. Но разве ж в деревне развернешься? А здесь Москва! Море людей, океан возможностей. Главное, не зевать. И к ментам в лапы не попадаться.

Трудно представить человека, который не знал бы, что делать с деньгами. Уж Марина точно не принадлежала к числу таких людей. Она девушка очень даже симпатичная. А ходит в каком-то тряпье. Давно уже пора о стоящем прикиде позаботиться. В общем-то именно ради этого она и тряслась целый час в электричке. Именно ради этого и обула красно-мордого хама.

Страна Советов полна советов. Но советы на тело не натянешь. Нужны деньги, нужен доступ к дефициту. Первое уже есть, а второе образуется. Связей у Марины не было, зато имелись крепкие ноги – чтобы в очереди стоять. А в том же ЦУМе чего только нет. Надо лишь сил и терпения набраться, чтобы добраться до прилавка. И ушки на макушке держать, чтобы на щипача в очереди не нарваться. Марина всерьез подозревала, что в Москве таких специалистов и без нее полным-полно.

Домой она вернулась поздно вечером. С полными пакетами в охапке. Как объяснила одна молодящаяся дама из очереди, ей страшно повезло. Она смогла урвать белый джинсовый «сафари» с накладными карманами. А из другой очереди вырвала итальянские туфли на среднем каблуке. Были

и на длинных, но на таких она и ходить-то не умела. Ничего, когда-нибудь научится.

Обновку Марина примеряла перед зеркалом. Класс! Сарафан точно по размеру. И смотрелся на ней не хуже, чем на манекенщице. Туфельки тоже в самую пору. И ходить на них нетрудно.

Марина крутилась перед зеркалом, когда в комнату зашла тетя Лида. Увидела племянницу, и глаза на лоб полезли.

– Откуда у тебя это?

– Купила. Я же в Москву ездила.

– И на какие деньги, позвольте спросить?

– У мамы заначка была. Сказала: вот как помру, дочка, поедешь ты в Москву к тете Лиде, купишь себе красивый сарафан. И ей тоже, говорит, обновку купишь...

Марина торжественно вручила тетке пакет с импортной кофточкой. Но та почему-то не очень обрадовалась.

– Заначка, слова-то какие. Врешь ты все про заначку. Говори, где деньги взяла?

– Говорю же, заначка была.

Марина чуть не расплакалась от обиды. Разумеется, на слезу ее вовсе не пробивало. Это всего лишь игра на чувствах. Лицедейству отец ее не учил. Это у нее в крови. Такая вот кровь у нее – бурная, насыщенная. И в душе авантюристская жилка. Ну кто ж виноват в том, что мама ее такой на свет родила?

– Ну, ладно-ладно, верю... – снисходительно махнула ру-

кой тетя Лида. – Ладно, заначка так заначка... Все, спокойной ночи!

– Так еще десяти даже нет...

– А я говорю, ложись спать!

– Конечно, тетя!

Вообще-то у Марины были совершенно другие планы на вечер. Обновка у нее клевая, ей бы пофорсить перед народом, а ее спать укладывают. Но спорить она не стала. Пусть тетка думает, что ее племянница пай-девочка.

Квартира на первом этаже, окно выходит на пустырь. Под одеяло можно сунуть старый облезлый полушубок – пусть спит. А сама Марина – фить, и нет ее... Так она и поступила. Через окно и на улицу.

А на улице майская благодать. Тепло, зелено, сверчки на своих скрипках-стрекотках заигрываются. Душа вырвалась на волю. Душа праздника требует...

Но до праздника еще добраться нужно. Лукарск – город неплохой. С Москвой, конечно, не сравнить, но и здесь гулять можно. Ресторан есть в центре, танцплощадка в городском парке. Но теткин дом находился даже не на окраине города, а на выселках. Так называемый Пятый километр. Железнодорожная станция рядом, а до городской черты даже не пять, а шесть километров по шоссе. Автобусы после десяти ходят редко. Но у Марины есть деньги. Она спокойно может добраться до города на попутке, благо что машины шли одна за другой.

К остановке, где толпилась молодежь, она шла по обочине дороги. Шла, но не дошла. «Лада» шестой модели остановилась. Из машины вышел мужчина лет тридцати. Не маленького роста, средней упитанности, щегольской костюм бежевого цвета. Не красавчик, но было в нем что-то.

– Девушка, вас подвезти?

– Если остановился, то вези, – пожалала плечами Марина и смело села в машину.

– Куда? – усаживаясь за руль, спросил он.

– А в ресторан не слабо? За твой счет.

Уж кого-кого, а недотрогу из себя она строить не собиралась.

– Ну а после ресторана? – приятно разволновался он.

– А что, есть варианты?

– Дача у меня есть. Как раз возвращаюсь. Одному, знаешь ли, скучно.

– А со мной, значит, будет веселей?

– Уверен, что да.

– Уважаю уверенных в себе мужчин. Ну, трогай!

Машина плавно тронулась с места. Мягко идет, тихо. В салоне комфортно. Волнующее ощущение.

Мужчину звали Максим. Живет и работает в Москве, товаровед на овощной базе. Два года назад дачный дом под Лукарском построил, машину новую недавно взял. Он рассказывал, а Марина слушала. И не сразу заметила, что машина едет по шоссе по направлению к Москве. Лукарск остался в

стороне.

– И куда мы едем?

– В Москву. Ты же хотела в ресторан. А какой ресторан в этом занюханном городишке! А Москва – это цивилизация.

Патриотических чувств к Лукарску Марина не испытывала. Поэтому пренебрежительная интонация Максима ее несколько не задела. Зато вдохновили восторженные отзывы о Москве.

Трасса была свободной, скорость у «шестерки» отменная, так что не прошло и часа, как машина выехала на освещенную московскую улицу. А там и ресторан. Большой светлый зал, много людей, музыка гремит, официантки в белых передничках бегают.

Максим не скупердяйничал. Заказал фирменное блюдо, осетрину, красную икру в вазочке, коньяк, шампанское. Марина попросила сигарету, так он через официанта с особой наценкой купил дамские «Phillip Morris». Круто.

Надо сказать, что Марина впервые оказалась в ресторане. Пивные забегаловки, куда она пару раз заглядывала с отцом, не в счет. Но как бы то ни было, держалась она с таким видом, как будто была ресторанным завсегдатаем. В меру развязные, непринужденные манеры. Глаза веселые, но на губах снисходительная улыбка. Дескать, понимает, что не в самом лучшем кабаке оказалась. Типа видали и получше...

Ей нравилось, что мужчины на нее заглядываются. Ей нравилась атмосфера праздника и сдержанной вседозволен-

ности. Хочешь, кури, хочешь, пей, никто на тебя косо не посмотрит.

– Марина, если не секрет, сколько тебе лет? – спросил Максим.

Сама интуиция подсказала ей, что вопрос этот задан неспроста. Есть такая статья – совращение малолетних. И если Максима интересует ее возраст, значит, он что-то задумал. Впрочем, это было ясно и так. Марина не маленькая девочка, она прекрасно знает, зачем мужчины водят малознакомых женщин в ресторан. Сначала ужин, а затем постель.

– Восемнадцать, – не моргнув глазом, соврала она.

Не очень-то она хотела лезть в постель к этому самодовольному болвану, но ей приятно было осознавать, что ее хотят.

– А что, не похоже? – раскрепощенно-удивленно спросила она.

Отвечать на этот вопрос он не стал.

– А парень у тебя есть?

– Ну а как же! В армии служит. Через год вернется, поженемся.

– Не устала ждать?

– Нет. Способ у меня один есть, чтобы не устать. Жду, жду, а когда чувствую, что не вмоготу, развлекаюсь еду. Сегодня вот с тобой развлекаюсь.

– Тогда давай выпьем! Чтобы отдых удался!

– За такое грех не выпить!

Марина осушила свой бокал до дна. Настроение взобралось на самую вершину радужной дуги... Ресторан – это круто. Ресторан – это кайф. А музыка какая!

Девчонки любят марафет, но жить не могут без конфет...

Чешуя. Марафет – это наркотики. А Марина их не признавала. И «конфеты» ее не прельщали. Так что заблуждается лабух.

*Мурка, ты мой Муреночек,
Мурка, ты мой котеночек...*

Марина весело посмотрела на Максима.

– А знаешь, почему Мурку Муркой зовут?

– Почему?

– А потому что она как та кошка, которая гуляет сама по себе. Кстати, меня тоже Муркой зовут. Папка меня так называл. В шутку. Но я Мурка не шуточная.

– Гуляешь сама по себе?

– Ты на редкость догадлив. Давай выпьем за твою наблюдательность!

– А может, лучше за Мурку выпьем?

– Нет! Мурка – страшный и опасный зверь. А я сейчас хочу быть мягкой, ласковой кошечкой.

– Да, но тогда я знаю одно место, где живет такой же мягкий и ласковый котик! Поехали, я отвезу!

– Не надо торопиться, милый. Мне здесь так нравится.

Обожди еще чуть-чуть. Давай лучше потанцуем!

– С превеликим удовольствием!

– Это здорово, когда удовольствие превеликое! – с намеком на крупные обстоятельства хихикнула Марина.

Максим не церемонился. В танце так облапил ее, что у нее дыхание сперло. И руки очень быстро сползли с талии на несколько запретных сантиметров ниже. Но Марина не сопротивлялась. Ей нравилось чувствовать себя в жадных мужских объятиях.

В конце концов она сочла, что ужин затянулся. Хватило одного намека, чтобы Максим подозвал к себе официанта и велел подать счет.

Он повез ее к себе на дачу. Под хмельными парами время летело незаметно. Но тем не менее Марина не прозевала момент, когда машина оказалась в районе выселок, где она жила. Она была пьяной, но головы не теряла.

– Тормози, дорогой, мы уже приехали, – сказала она.

– А как же дача?

– Давай завтра. Сегодня уже поздно. Мама заругает.

– Но мы же договаривались.

– Да, но забыли печать поставить. А без печати, сам понимаешь, договор недействителен. Тем более если роспись поставила несовершеннолетняя девушка. Тебе нужны проблемы, дорогой?

Максим остановил машину. Недовольно посмотрел на нее.

– Ну ты и штучка!

– Ты абсолютно прав, я – штучный вариант. Таких больше нигде не выпускают. Да ты не расстраивайся, дорогой!

Марина подалась к нему, нежно обвила рукой за шею и коснулась языком мочки уха. И тут же быстро отстранилась от него.

– Поехали, покажу, где я живу. Завтра после четырех заедешь за мной. Поедем к тебе на дачу.

Многообещающий взгляд подействовал на Максима как бальзам на душу. Он успокоился и, полный радужных надежд, подвез Марину к самому дому.

Только надежды его не оправдаются. Марина поедет к нему завтра на дачу. Природа, речка, шашлыки, шампанское. Разве можно от этого отказаться? А постель пролетает как фанера над Парижем. Мурка не расплачивается за удовольствие своим телом. А если Максим будет настаивать, то Мурка покажет ему свои коготки. В сумочке у нее изящная «лисичка» – выкидной нож, подарок отца. Острый, как бритва. И опасный, как ядовитый зуб змеи...

Глава 3

Капрон не часто заглядывал во двор дома, где обитал Анисим. Но сейчас его тянуло сюда как магнитом. Потому что сейчас там жила Маринка.

Целую неделю после разговора с ней он обходил заколдованный дом стороной. Но сегодня от соблазна удержаться не мог. После обеда вместе с Кнутом зашел к Анисиму. Да так и остался во дворе. Как и в прошлый раз, накрыли в беседке поляну – четыре «огнетушителя» и по плавленому сырку на брата. И «баш» был, чтобы косячок забить на досуге.

Во двор заехала новенькая «шестерка» синего цвета. Этот факт не остался незамеченным.

– Это кто у вас тут такой крутой? – спросил Кнут.

– Да, по ходу, какая-то левая лайба, – озадаченно рассматривал тачку Анисим.

– Жавер какой-то за рулем. Нафраерился, в натуре... Может, за биксой приехал, а? – ухмыльнулся Кнут.

– За какой? – недовольно посмотрел на него Капрон.

Он уже вставил фиксы вместо выбитых зубов, поэтому не шепелявил. Плохо, что рука до сих пор в гипсе.

– Да хрен его знает, может, за Маринкой. А вот и она! Смотри, как чешет, восьмеры рисует!

Действительно, к машине подходила Марина. Козырной прикид, туфельки на каблуке. Красивая, спасу нет. Капрон

со злости сжал кулаки, когда она села в машину.

– Я ж говорил! – развеселился Кнут. – Маринку закадри-
ли. Понесло копилку по кочкам!

– А чему ты радуешься? – неприязненно посмотрел на
него Капрон. – Тебе не дала, а какому-то хмырю дает.

– Так, может, не дает, – обломался Кнут. – Может, дина-
мит мужика.

– Может, и динамит. А может, и нет.

Капрон смотрел вслед удаляющейся машине. Его душила
злоба... Как же так, Маринка с каким-то фраером дешевым.
Но факт есть факт – она уехала с другим. И возможно, виной
всему сам Капрон. Зачем он тогда наехал на девчонку?

Уже темнело, когда появилась Маринка. Идет, как пишет.
В глазах озорной блеск, на губах блуждающая улыбка. Ка-
прон как подорванный соскочил со своего места, ринулся ей
наперерез.

– Нормально все, платье не испачкала? – резко спросил
он.

Хмельные пары давили на мозги. Да и дурь от косячка
давала о себе знать.

– Это не платье, это сарафан, – спокойно парировала она.

Выдержка у нее железная. Но вопрос – такой ли прочно-
сти замок на входе в ее «копилку»?

– На тачках катаемся, да?

– А что, нельзя?

– Ты как шалава себя ведешь.

– А ты что, моралист невдолбенный?

– Почему невдолбенный? Так могу вдолбить.

– Пошляк ты.

– А ты сама? Ты сама знаешь, кто ты такая!

– Шалава. Если с мужиками на тачках катаюсь, значит, шалава. А ты хочешь, чтобы я пай-девочкой была?

– Да пошла ты!

– Уже сходила. А сейчас мне домой надо, извини.

Маринка попыталась обойти его, но Капрон схватил ее за руку.

– Пусти, мне больно! – поморщилась она.

– А под хорей всяких стелиться не больно?

– Не больно.

– Тогда, может, за гаражи ходим?

– Травка там зеленая, да?

– Извини, тачки у меня нет.

– Какая жалость!

– Издеваешься?

– Нет, просто жалею, что на травку придется ложиться. В машине удобней. За гаражи, говоришь? Пошли!

Маринка нежно провела рукой по его щеке, бедром коснулась его руки и направилась к гаражам. Капрон двинулся за ней.

Марина остановилась и развернулась к нему лицом, едва они оказались вдали от посторонних глаз. Сама обвила его шею руками, сама прильнула к нему телом и жарко припала

губами к его рту.

Целовалась она неумело. Но губы у нее сладкие. Свежесть, пьянящий аромат. Капрон не мог да и не пытался удержать руку на ее талии. Жадно сжал пятерней ее упругую булочку...

– А ты шалун! – изнеможенно прошептала она и снова прильнула к нему.

Капрон нащупал молнию на спине и быстрым движением располовинил ее сарафан до самого пояса. Взору открылись чудные грудки с маленькими сочными вишенками сосков...

– Ух, ты! – не сдержал он восторга.

– Ух, я! – игриво улыбнулась Маринка.

Отошла назад. Повела бедрами, и сарафан упал к ее ногам. Она предстала перед Капроном во всей своей бесстыжей красоте. Осталось только трусики снять.

– Посмотрел! – язвительно усмехнулась она.

И быстрыми четкими движениями вернула сарафан на место. Повернулась к нему спиной.

– Молнию застегни!

Но Капрон, напротив, попытался стащить с нее одежду. Но сарафан, казалось, намертво прилип к телу. Маринка извернулась и повернулась к нему лицом.

– Мы так не договаривались!

– Я так понял, ты чо, всем даешь, а мне – нет!

– А кому я даю? – хищно сверкнула она взглядом.

– Хорю тому из машины.

– Показать, как я ему давала?

– Покажи!

Капрон не понял, как в ее тонкой изящной ручке появилась «лисичка». Знакомый щелчок, и острое лезвие уперлось в горло.

В глазах Маринки было столько опасной решимости, что Капрон струхнул не на шутку.

– Эй, ты чего? – пробормотал она.

– А ты чего? Я же тебе сказала, хорошего понемножку. Я тебе не шалава, понял?

– Понял.

Марина отошла назад. Нож самым непостижимым образом исчез из ее рук. Как будто в воздухе растворился.

– Ничего ты не понял, – на прощание сказала она.

И сама растворилась в сгущающейся мгле.

Капрон как оплеванный возвратился в беседку.

– Ну чо, как оно там? – взбудораженно задергался на своем месте Кнут.

– Все путем! – расправил плечи Капрон.

Не рассказывать же пацанам, как Маринка пером его чуть не пописала. Это же позор на седины.

– А чего так быстро?

– Знаешь, как у нее там тесно? Пяти секунд не продержишься.

– Не знаю, не пробовал. Надо попробовать. Ты-то отстрелялся, да, а она?

– Да как из пулемета. Я ухожу, а ее еще трясет.

– Так что, она там осталась?

– Не знаю, может, уже ушла.

– Так это, мы глянем!

Кнут как ужаленный вскочил с места и рванул за гаражи.

Капрон хотел его остановить, да куда там.

Вернулся Кнут через полчаса. Улыбка до ушей, в глазах пожар.

– Ну что? – заинтригованно спросил Анисим.

– Все ништяк! И туда, и сюда. Не баба – зверь. Отпускать не хотела. Давай, Сашок, еще, еще. У-ух! Насилу ушел!

– Так она сейчас где?

– Да где, лежит в кустах. Голая. Я когда уходил, она в конвульсиях дергалась...

– И сейчас лежит?

– Ну, точно не скажу!

Анисим сорвался с места. И за гаражи. Вернулся измочаленный, как будто мешки с цементом разгружал. Глаза пылают.

– Да, бабенка она классная, без базара. Увидела меня, на шею кинулась. Ну, Леша, давай, люби меня до гроба! Ну я ей свою колоду и вставил. Ох, и выла!

– Что-то не слышно было, – насмешливо скривился Капрон.

– Да я тебе кричу!

– Как ты кричишь, я слышу. А как она кричала, не слы-

шал.

– Так далеко ж было.

– Ничего не было. Ни у тебя, ни у Кнута. Гонщики вы оба. Маринка еще раньше меня домой ушла.

– Погоди, как ушла! – встрепенулся Кнут. – Ты ж говорил, что она осталась.

– Да это я тебя на дурку взял.

– Так у тебя чо, с ней ничего не было?

– У меня-то было.

– Ну и у меня тоже!

– Так ушла же Маринка!

– Значит, вернулась! Ушла она от тебя, – фыркнул Кнут, – от меня она уползала.

– Уползала?! – возмутился Анисим. – Ты чо, хочешь сказать, что я гонщик? Она была, когда я пришел.

– Значит, приползла. Мало ей показалось. Где она сейчас?

– Ну там оставалась, где я ее оставил.

Если Кнут и Анисим заливали насчет Маринки, то делали они очень убедительно. Фальши ни в одном глазу. Капрон даже поверил им. Сам направился за гаражи.

Пусто там, тихо и темно. Маринкой и не пахнет. Но может, она уже ушла домой? Поняла, что больше никто не придет ее топтать, и ушла. Или уползла.

Тетя Лида была похожа на рака. Лицо красное, глаза выпученные.

– Как это не хочешь учиться?

– Да так и не хочу... – сокрушенно вздохнула Маринка. – Но если вы скажете!

Капля разбавленного бальзама на самолюбие тетушки.

– И скажу!

– Тогда буду...

Учиться Марина ненавидела. Имелась у них в поселке школа. Так она там редкой гостьей была. То сама «заболеет», то маму в больницу «отправит». Дом несколько раз «горел». Верить ей не верили. Но из класса в класс переводили исправно. С одними «тройками» в табеле.

Она заканчивала восьмой класс, когда умерла мама. Марина сходила к директору, пустила слезу, сказала, что тетка в Москву забирает. И так ласково к Петру Евсеевичу притерлась, что мужик прибалдел... В общем, получила она свидетельство об окончании восьми классов. И неважно, что там одни «уды». Двоек-то нет...

А зачем ей школа? Писать, читать умеет. А ботаника, кому она нужна? Ей вполне хватает того, чему батя ее научил. Да и мама много ей про жизнь рассказывала. Она тоже много чего на своем веку повидала...

– Тогда нечего без дела болтаться, – наседала тетка. – Давай за учебники берись! В техникум поступать будешь.

– Не потяну я техникум! – жалостливо глянула на нее Марина. – Уж лучше в ПТУ. На швею буду учиться. Я же люблю шить. Люблю, но не умею. А там научат. Я, может, отличницей там стану. И в институт поступлю после выпуска. Если в армию не заберут.

– Какая армия, о чем ты?

– Да это я так, к слову.

В армию ее не заберут, а вот в тюрьму посадить могут. Вчера свой личный счет вторым лопатником пополнила. В Москве была, в промтоварном околачивалась. Увидела солидного дяденьку, как бы случайно налетела на него. Вежливо извинилась. И бумажник так же вежливо перекочевал из одного кармана в другой. Солидный был дядька. На вид. А нутро у него скудное. Всего ничего. Но если бы поймали, впаляли бы два года – со скидкой на малолетство и красивые глазки...

– Ну, хорошо, ПТУ так ПТУ. Но туда без экзаменов не берут! – с важным видом заявила тетка.

– Да, я знаю, – глупостью на глупость ответила Марина.

Ну какие в ПТУ могут быть экзамены? Туда всех берут без разбора.

– Тогда я в библиотеку, за учебниками? Физика там, математика.

Она ловко изобразила восторг первоклассника. Тетушка

повелась.

– Да, конечно!

Марина приделась, накружилась, спрыснула одеколоном, подцепила на плечо сумочку – и на улицу. В библиотеку она едет. Но не в Лукарск, а в Москву. Путь не ближний. Оказывается, охота на «бобров» – очень увлекательное занятие.

Она шла по тропинке к железнодорожной станции.

– Эй! – окликнули ее со спины.

Марина остановилась, обернулась. Снегурка чешет. Расфуфыренная, подбородок на уровне глаз, щеки надутые. Ну да, чего это она будет перед Мариной заискивать? У нее же между ног чесалка не растет. Какая ей от нее польза? Можно и нос в облака засунуть.

– Привет, Снегурка! – задорно улыбнулась Марина.

– Кому Снегурка, а кому Антонина Васильевна.

– И что вам, Антонина Васильевна, нужно? Таблетки от зазнайства?

– Это я-то зазнаюсь? – хмыкнула Снегурка. – Знала я одну зазнайку! Целку из себя строила. А потом как пошла скакать по кочкам! Чего тарацишься? Это я про тебя. Знаю, как тебя пацаны в кустах драли!

– Да что ты такого говоришь? – развеселилась Марина.

– Ой, только не надо ля-ля петь! – скривилась Снегурка. – Мне Кнут рассказывал, как тебя сначала хахаль московский отодрал. Потом Капрон был. За гаражами тебя брал. После Кнут был. Ну и Анисиму тоже досталось.

Марину это вранье задело за живое. Но виду она не пода-
ла. Спасибо папашке за то, что научил владеть собой.

– И что дальше? Тоже хочешь со мной за гаражи?

– Я тебе чо, кобла? – возмутилась Снегурка.

– Вобла ты. С ушами. Уши у тебя большие, лапша хорошо
зависает. Можешь передать своему Капрону, что он большой
мудак!

А как еще можно назвать этого придурка? Марина к нему
прониклась, можно сказать. Задружить с ним хотела. Па-
рень-то вроде бы ничего – и видный, и духом сильный. А
оказалось, что он трепло ходячее. Сам себя он отодрал в ку-
стах за гаражами. Перевозбудился и «гуся» за шею дернул.
То, что Кнут барахло по жизни, было ясно с самого начала.
Но тот же Анисим произвел на Марину неплохое впечатле-
ние. А нет, и он пустозвоном замохначенным оказался. Ду-
мала, серьезные люди, а оказалось, что на обычную шпану
нарвалась. Да и хрен с ними со всеми!

– Это кто мудак? Капрон?! – взвыла Снегурка. – Да ты
хоть знаешь, кто он такой?

– Баклан дешевый, кто ж еще!

– Ну ты, сука, меня вывела!

– А ты меня нисколько, – премило улыбнулась Марина. –
Ты же помойка, чего на тебя обижаться?

– Ну все!

Снегурка использовала классический прием бабской
борьбы. Попыталась вцепиться Марине в волосы. Но та во-

время отступила назад, и она поймала воздух. Зато Марина не промахнулась. Шагнула вперед и ударила шпилькой каблука по ступне. Резкая боль скрутила Снегурку и сбросила на землю.

– Пока, Снегурка! – весело помахала ей ручкой Марина.

Нет больше ни Капрона, ни Анисима, ни Кнута. Все умерли. Разом. Марина точно знала, что проживет и без них.

И Максима она тоже отшила. Еще в тот день, когда он отвез ее на дачу. Вместо шампанского он угощал ее дешевой бормотухой, вместо шашлыков подал жареную на костре колбасу. И еще приставать пытался. Руки распускал. Пока Марина нож к его яйцам не приставила.

Все мужики – сволочи. У всех одно на уме. На место их нужно ставить. Не они должны женщиной пользоваться, а наоборот. Марина будет их пользоваться. Потому что она Мурка. Потому что она сама по себе.

Глава 4

Мусорок смотрел на Капрона так, как будто вошь перед ним, а не человек. Никакой жалости во взгляде. Как будто сейчас возьмет да раздавит его сапогом.

– Что будем делать, Стасов? Чистосердечное писать или в молчанку играть? – нехотя спросил он.

Хату они выставили влет. Анисим и Кнут постарались. Отогнули дверь «фомкой», и никаких проблем. Заходи, кто хочешь, бери, что хочешь... А брать было что. Магнитофон кассетный – заморское чудо, рыжья немного, барахла куча.

«Шарп» и шмотье решено было снести знакомому барачольщику. Хату выставляли Кнут и Анисим. Капрон стоял на шухере – из-за своей сломанной руки. Стоять на стреме – дело важное, не вопрос. Но все же этого было явно недостаточно, чтобы чувствовать себя основной фигурой в деле. Именно поэтому к барыге отправился он.

Товар Капрон сбагрил, срубил бабла. А через день, утром, за ним пришли. Вытащили из теплой постели, захомутали – и в «канарейку». Отвезли в ментовку, пару часов промариновали в «трюме», и на допрос.

– А что вы посоветуете, гражданин начальник? – неприязненно спросил Капрон.

– Я бы посоветовал во всем признаться. Пока я добрый.

– А если разозлитесь?

– Тогда худо. Знаешь, сколько у нас висяков? Мно-ого! И все на тебя повесим. Давай, рисуй, как квартиру брал, и я от тебя отстану. Настроение у меня сегодня хорошее. Свадьба у друга. А в понедельник на службу выйду – злой-презлой буду. Угадай, на ком злость срывать буду?

Капрон угадал с первого раза. На нем красноперый отыграется. А ведь от предьявы не отвертеться. Мусора повязали барыгу вместе с товаром. Через него и вышли на Капрона. Сброшенное им барахло привяжут к выставленной хате, тогда хана. А менты это сделают. Они хоть и козлы, но работают справно.

– Ладно, давайте бумагу, – обреченно махнул рукой Капрон.

Чистосердечное признание, как известно, смягчает вину. В теории, а иногда и на практике. К тому же покушался Капрон на частную, а не на государственную собственность. Еще одно смягчающее обстоятельство.

Он написал, как заметил квартиру, как вскрыл дверь, как проник внутрь. Все написал, только корешей своих не упомянул.

Опер читал признание с кислым видом.

– Врешь ты все, Стасов, не мог ты с гипсом на руке хату выставить, – покачал он головой. – Не хочешь подельщиков сдавать?

– Да не было никого, гражданин начальник. Я сам!

На этом Капрон будет стоять твердо. Западло корешей

своих сдавать. Косяк на всю жизнь. Да и кража в составе группы – отягчающее обстоятельство. Так что по-любому нужно канать паровозом – брать всю вину на себя.

– Ну тебя к черту, Стасов. Сам так сам! Увести!

Разговор был закончен. Не было времени у ментов, чтобы возиться с ним. Спалившийся барыга сдал все коны – всех своих поставщиков. Не только один Капрон в их сети попался. Менты вязали братву снопами. Так что сейчас у них работы выше крыши.

Его определили в КПЗ. Суббота, воскресенье – выходной для ментов. Понедельник – на раскачку. А во вторник Капрону предъявили обвинение и этапом отправили в следственный изолятор.

Правильный пацан не должен бояться тюрьмы. Правильный пацан должен считать ее домом, знать про нее все, готовиться к житию-бытию в застенках. Такого пацана камерная братва будет держать за своего.

Капрону еще в прошлом году исполнилось восемнадцать лет. Поэтому его определили во взрослую камеру. Туда он вошел с таким видом, будто был убеленным сединами дядяном.

Смотрящий по хате – прожженный со всех сторон мазурик – опытным взглядом определил его статус. Подозвал к себе.

– Кого в этой жизни знаешь, пацан? – хриплым прокуреным голосом спросил он.

Капрон назвал имена четырех уважаемых жульманов из лукарской общины. Их всех он знал лично. И по меньшей мере двое из них могли подписаться за него – выставить его перед смотрящим в правильном свете.

– Хорошо... Правила наши знаешь? – продолжал смотрящий.

– Знаю. Три года на малолетке парился.

– Какой масти?

– Черной. Вешать сук, резать актив. Только так.

Ментов и красноповязочников Капрон ненавидел. Опять же, как подобает правильному воровскому пацану.

– Ну что ж, давай дерзай дальше, паря! – по-отцовски хлопнул его по плечу смотрящий.

«Пропиской» Капрона унижать не стали – поскольку он не был первоходом. Смотрящий разослал малявы, чтобы узнать, тот ли он на самом деле, за кого себя выдает. Отзывы не заставили себя долго ждать. Воровской пацан, живет по закону, косяков нет.

Этап становления прошел без особых напрягов. Капрона приняли в благованную семью. Косяков он не допускал, всегда держал нос по ветру, короче, все было путем.

Через полгода начался судебный процесс. Чистосердечное признание, покушение на частную собственность, статус вора-одиночки – все это привело к минимальному сроку наказания. Три года колонии. Но не общего, а строгого режима, поскольку он уже мотал срок на малолетке.

Вор-рецидивист – и это в каких-то восемнадцать лет. Что ни говори, а Капрону было чем гордиться.

* * *

За спиной с грохотом закрылась железная дверь, и Капрон оказался в темной камере штрафного изолятора.

В хате шесть шконок. И все пустые. За исключением одной – под крохотным окошком. Человек на ней какой-то лежит. Курит.

На дворе лето, тепло, а в камере холодно. И сыро так, что кости мокнут. А табачный дым создавал легкую иллюзию тепла.

Капрон бы и сам закурил. Но нет сигарет. «Рексы» все забрали. Ну да ладно, ему не привыкать – перетопчется как-нибудь.

Человек нехотя поднялся с койки. Закряхтел, закашлялся. Наконец спросил:

– Кто такой?

– Капрон погоняло.

– Кто крестил?

– Да еще на малолетке.

– Молодой, а уже по второму. Сюда за что откомандировали?

Сиделец снова закашлялся. Тяжелый кашель, надрывный. Чахоточный. Глаза привыкли к темноте. И Капрон мог

уже видеть вывеску арестанта. Словно тесанные из камня надбровные дуги, глубоко вдавленные глаза, впалые щеки, нездоровый цвет лица. Точно, туберкулезник. Уж не спецом ли кум зачалил его именно в эту камеру.

– Да как всегда. На работу забил. ШИЗО – дом родной. Юбилей у меня. Десятый раз уже...

– Давно мотаешь?

– Да полгода уже будет... Еще столько же на крытом...

– Полгода здесь, и уже первый юбилей. Далек пойдешь, пацан. Если мусора не сломают. Меня не сломали. Но сгноили. Недолго мне осталось. Знаешь, кто я такой?

– Врать не буду, не знаю.

– Молодой потому что. Клим я.

– Клим?!

От удивления в одном вихре с восторгом Капрон присел. Но тут же подорвался. Снова встал на ноги.

Клим – легенда воровского мира. Клим – вор в законе, смотрящий зоны.

Зона – красная. Краснотой как плесенью поросла со всех сторон. Бал здесь кумовья правят и козлы косячные. Не дают житья воровской братве. Для отрицалова – карцеры, штрафные изоляторы, строгий тюремный режим с голодной пайкой. Где это видано, чтобы смотрящий света белого не видел. В «трюме» как последнюю падлу гноят.

Да и самого Капрона со свету сживают. То карцер, то штрафной. И все потому, что намертво держится за воров-

ской закон. Честный вор не должен работать. Он и не работает.

– Что, удивлен? – болезненно усмехнулся Клим.

– Да не то слово. К вам же никого не подселяют.

– В том-то и дело. Может, ты насадка?

– Гадам буду, нет!

– Да ладно, не менжуйся. Слышал я про тебя. Ты хоть и молодой, а слух про тебя уже ходит. Крепкий, говорят, пацан. Не гнется перед барином. Уважаю. Но все-таки объясни, как это тебя ко мне зачалили?

– Сам не знаю. Может, вертух что-то перепутал? Загужеванный он какой-то. Перегар такой, что я сам как забуханный.

– Ну, может, попкарь попутал. Ладно, коны набьем, узнаем.

Капрон задергался. Неужели Клим всерьез за насадку его принял? Вот облом...

– Да не, со мной все чисто... – начал было он, но осекся под гнетуще-пронизывающим взглядом.

– Я же сказал, коны наведем.

Вор тоже осекся, но под приступом жестокого кашля. Рядом с койкой стояло ведро. Туда он и харкал. Кровью. Да, похоже, ему в самом деле недолго осталось.

Климу нельзя было курить. Но он смолил, как паровоз. Прокашлялся, снова сунул в рот папиросу. Немного подумал и протянул один «смоляк» Капрону. И «чирки» подал.

– Благодарю!

Курить хотелось нещадно. Но он не торопился сунуть папиросу в рот. Неторопливо размял ее в руках, смял пальцами мундштук. И только затем подцепил ее губами. Прикурил, блаженно затянулся.

– Сам откуда будешь? – спросил Клим.

– Из Лукарска. Город такой под Москвой есть.

– Лукарск?! – подозрительно покосился на него вор.

– А что, знакомый город?! – занервничал Капрон.

– Да не то чтобы знакомый. Знакомая одна у меня там живет. Девчонка совсем.

Взгляд Клима смягчился и растекся как воск на жарком солнце. Или Капрону показалось, или на самом деле на глаза навернулись слезы. Как о чем-то родном и страшно драгоценном вспомнил. Знакомая, девчонка совсем. Уж не дочь ли? Законные воры должны быть свободным от семьи и от детей. Но в то же время они люди, и ничто человеческое им не чуждо. И сожительницы у них есть, и дети случаются.

– Лет ей сколько? – спросил Капрон.

– Шестнадцать уже исполнилось. Совсем девчонка. Мать умерла, отец в тюрьме. Тетка ее воспитывает. Марина ее зовут.

– Кого, тетку?

– Какую, к дьяволу, тетку? Дочку мою... Дочку... Ну, вот, проговорился... Старый стал, совсем плохой... Да ладно, кум это все равно знает. Да и братва, кому нужно, в курсах.

Дочка у меня есть, последняя радость.

– Марина, значит.

– Марина. А ты что, ее знаешь? – встрепенулся вор.

– Да нет, откуда. Хотя...

– Что, хотя?

– Да прошлой весной у нас девчонка одна объявилась.

Мать вроде бы умерла. Тетка ее откуда-то из-под Тамбова привезла. Марина зовут.

– Правильно, из-под Тамбова. Тетка забрала. Марина зовут. Так, погоди...

Клим полез под матрац в изголовье шконаря, достал оттуда фотографию. Показал Капрону. Ну, точно Маринка! Только на фото она совсем молодая. Лет двенадцать-тринадцать. Но те же черные глаза, темные волосы. Тот же проникающе-озорной взгляд.

– Она?

– Она.

Вот так номер! Маринка – дочь вора в законе! Охренеть не встать! А они с пацанами ее на посмешище выставили. Утку пустили, что всем колхозом драли. Если Клим об этом узнает – страшно подумать, что тогда будет.

– А чего так невесело? – пристально всматривался в него вор.

Он все видит. И лучше сознаться в малом, чем нажать большой геморрой.

– Так это, косяк за нами... – выдавил из себя Капрон.

– Та-ак! – угрожающе протянул Клим.

– Да нет, ничего такого! Это, не разобрались. Кнут на-косячил. Увидел Марину. А она девка красивая, жуть! Ну, Кнут в непонятках был. Давай, говорит, забалуем. А она ему – давай! Мы так и припухли. А она – только сначала давай в стире раскинем. Игру под очко предложила.

Вор смотрел на него круглыми глазами. Но Капрон старался не обращать на него внимания.

– Ну а мы повелись. Девка она хоть и молодая, но огонь! Я еще думаю, откуда она такая крутая. Короче, повезло ей. В «триньку» играли. Кнут трех тузов взял. А Марина три «девятки» ему предъявила. Повезло.

– Повезло?! А болтяру твоему Кнуту в одно место! Ука-тала его Марина. У нее по этой части талант. С ней по шансу играть нельзя. У нее восемь тузов в одной колоде. Я тебе, пацан, больше скажу. Она меня укатывала. Знаю, что кляуза у нее, но ничего не вижу. Не вижу, как карта из рукава к ней прыгает. Так-то вот! А ты – повезло! Опустили Кнута?

– Не, Марина его простила.

– А жаль. Надо было этого козла наказать. Забаловать он с Маринкой хотел. Что дальше было?

– Не знаю. Меня менты повязали. Мы хату выставили... Я своих кентов мусорам не сдал. Сам паровозом пошел. А они вслед за мной. Сами, без меня погорели. На бакланке. Черта одного замесили. Полпятiletки на рыло. По полгода, считай, уже отмотали. Через два года выйдут. Вместе со мной.

Если барин меня не сожрет.

– Может, и сожрет... Марина меня не забывает. Письма шлет, грев. Дачки жирные, вот что плохо. Деньги, значит, водятся. А откуда деньги?

– Может, тетка дает?

– Нет, она с мужиком своим небогато живет. Говоришь, через два года на волю выйдешь?

– Ну, если не доведут.

– Ты уж постарайся, чтобы не довели. Откинешься, езжай в свой Лукарск. За Маринкой присмотреть надо. Хотя какой с тебя присмотр? Такой же бродяга. А ей воровать нельзя. Не для того я ее растил, чтобы ее потом по этапам гоняли. Не для того. А ремеслу обучил... Да, неувязочка...

Клим хотел сказать что-то еще, но появился вертухай.

– Стасов, на выход!

Точно, нестыковочка вышла. Не в ту хату его запарили. В другую перевели. От Клима подальше.

* * *

В хату к смотрящему Капрона зачалили по недосмотру. Но ведь зачалили. Камера по винту – закрытая – а он там побывал. И с бродягой базар держал. А Клим, по ходу, словечко за него замолвил.

Да он бы и без воровского слова мог бы подняться. Как ни ломали его менты, а удержался он на ногах. В трюме гнил,

но на работу так ни разу и не вышел.

После встречи с воров он еще десять раз побывал в ШИЗО. А там администрация в зоне сменилась. Передел сфер влияния, борьба за власть. Бардак, одним словом. Пошатнулась ментовская масть. Братва подняла голову – красноповязочников загнали в угол. Клим в этих делах играл первую скрипку. Разморозил зону. Но это была его лебединая песня. Умер бродяга. Менты сгноили, чахотка добила...

Капрону тоже досталось. К тому времени, когда на зоне установилась воровская власть, он и сам превратился в доходягу. Но затем оклемался. Братва поставила его смотрящим. Оказали доверие. Еще бы два-три года, и положенцем бы объявили. Но прозвенел звонок, и его с вещами выставили за ворота зоны.

Впрочем, рано или поздно он сюда вернется. Настоящие воры надолго на свободе не задерживаются. Рано или поздно Капрон станет воров в законе.

Через два дня он прибыл в Лукарск. Дома его встретили без особого восторга. Мать обняла для приличия, отец вяло пожал руку. Не рады они сыну-рецидивисту. Понять их можно. Перед людьми стыдно. Но самому Капрону стыдиться нечего. Он с честью прошел очередное испытание зоной. Поднялся в глазах братвы. И здесь, на воле, его будут уважать. Потому что он уже не «воровской пацан», а признанный «жулик».

Кнута и Анисима он нашел на благованной хате на Пя-

том километре. Пьяные в дымину. Рожи красные, глаза воспаленные. Телки размалеванные к ним жмутся.

– Капрон!!! – как резаный заорал Кнут.

Он был голый по пояс, на голой груди «синяк» – одномачтовый парусник. По второму разу сядет – вторая мачта появится. На плече длинноволосая фурия с обнаженной грудью. Раньше ничего такого у него не было. Видать, на зоне облагородили.

– Братан, ты хоть бы маляву скинул, что приезжаешь! – заголосил Анисим. – С приездом, братуха!

Девки смотрели на Капрона молча, но с интересом.

– Гудим? – спросил он.

– Да уже не помним, какой день, – ощерился Кнут. – Как Анисим откинулся, так и гудим. А я раньше на целый месяц отмотался. Одному скучно было, с пацаном одним скентовался. Это его хата. Он за бухлом дернул, скоро будет.

– А это что такое? – Капрон показал на голую бабу на его плече. – Мечь за измену? Мстить кому собираешься?

– А хрен его знает кому. Кому-нибудь. Может, Маринке!

– Маринке?! – нахмурился Капрон. – Ты чо, с катушек съехал? Она чо, рога тебе ставила?

– Ну да. Я ж ее первый надыбал. А кто первым ей вставил, а? Ты и вставил. Получается, изменила.

– Не было ничего, понял?

– Как это не было? – вытянулся в лице Кнут. – Так чо, получается, я первым был...

– Гонишь ты! – хохотнул Анисим. – И у тебя, братан, ничего не было! Не было Маринки за гаражами. Капрон прикололся, типа, там ее оставил. А ее не было. Кружева ты нам наплел. Не было у тебя ничего.

– А у тебя?

– Да я чо, лысый! Тоже чепуху скинул. И у меня ничего не было. Ха! Во байда была, пацаны! Прикололись, да!

Капрон чувствовал себя полным идиотом. Ушла Марина от него, чтобы затем вернуться и отдаться Кнуту. Надо же было в такой бред поверить. Маринка не шлюха. Она всего лишь динамо. Манит, зазывает, а в руки не дается. В общем-то он предполагал, что Кнут и Анисим заливали. Но червь сомнения грыз душу все последние три года.

– Так это ж еще обидней, братва! – пьяно возмутился Кнут. – Нам она не давала. А каким-то козлам дает.

– Каким козлам? – недовольно покосился на него Капрон.

– Так это, помните, хорь был на «шохе». Увез, привез. Она чо, в крестики-нолики, бля, с ним играла?

– Не было с ним ничего, – покачал головой Капрон. – Она его на нож чуть не поставила. Сама говорила.

– Она?! На нож?! – загоготал Кнут. – Ну ты хохмач, в натуре!

– Я тебя насмешил?! А когда тебя на очко ставили, тебе тоже смешно было?

– Не, тогда не смешно было. Потом смешно стало. Маху вы тогда, пацаны, дали. Кореша под бабу подставили. Под

какую-то жучку. Простила она меня, ха! Да она сама очканулась! Робик, он жулик правильный, он бы меня портить не стал. У него все по понятиям. А баба, она сама по себе вне нашего закона.

– Значит, Робик по понятиям живет. А мы так себе, да? – возмутился Капрон.

– Кнут, ты, братуха, не прав! – встрял в разговор Анисим. – И ты, братан, чего быкуешь? Ханку жрать нужно, встречу обмывать, а он из-за какой-то мочалки кипишует.

– Из-за мочалки?! – вместо того чтобы успокоиться, еще больше завелся Капрон.

– А чо, ты думаешь, она пай-девочка? Мочалится баба. Сам лично видел, как ее на новой «Волге» к дому подвозили. Клевая телка, не вопрос. Вся в фильдеперсах. Но ведь стелет кому-то.

– Разбор сначала надо сделать, а потом уже ярлыки клеить.

– Да какой там разбор! – отмахнулся Кнут. – Шалавая она.

– Шалавым ты был бы, если бы она твое очко не закрыла!

– Капрон, я чет тебя не пойму! Ты чо, бочку на меня катишь? Я же тебе сказал, никто бы меня не тронул. Еще бы и вас на правилку поставили.

– На правилку бы ты сам попал. На киче. Робик бы тебя не тронул. А Клим бы тебя достал.

– Клим?! Кто такой Клим?

– Бродяга знатный.

– А-а, что-то слышал. Он-то здесь при чем?

– А то, что Маринка – его дочь.

– Дочь?! – очумело протянул Кнут.

– Она копилку свою на кон ставила. А ты свое очко. Ты бы ее сделал, если бы укатал ее. И тебя бы сделали, если бы она с тебя долг не списала. Поверь, Клим бы с тебя спросил. А у него руки длинные. Были.

– Почему были?

– Потому что нет его больше. Чахотка сожрала.

– Да, дела! – почесал затылок Кнут. – А я еще думал, зубастая баба, откуда такая. А оно вот что. Давай выпьем. Это, за упокой Клина. Ну и за нашу встречу тоже! Расслабься, братан, все ништяк!

Капрон расслабился не по-детски. Плеснул под жабры так, что к ночи на ногах едва держался. В конце концов его свалила в койку пышногрудая бареха. Девка сама довела его до кондиции, сама накрутилась на вертел. Хотел бы Капрон, чтобы на ее месте оказалась Маринка. Но даже в пьяном бреде она казалась такой недоступной.

Глава 5

«Россия», «Космос» и «Континенталь»... Все как в той песне. Марина обожала рестораны, обожала мужское общество и пьяное веселье. Но путаной она не была. И как рыбу, ее к столу не подавали. Если она и подавалась, то только сама. Но далеко не всем удавалось съесть ее целиком.

Сегодня она ужинала в «Праге». С богатым папиком-цеховиком. Мужик две недели крутил вола вокруг нее. По кабакам шикарным возил. И только сегодня он смог заманить ее к себе на хату.

Квартира у него навороченная. Антиквариат, мебель забугорная, техника японская.

– Ну и как тебе у меня, нравится, Мариночка? – восторженно спросил он.

Павлик откровенно тащился от самого себя.

– Неплохо.

Но Марина и не собиралась впадать в телячий экстаз.

– Неплохо? Да у меня все в шоколаде!

– В шоколаде?! Странно, вроде бы не воняет.

– Не понял!

– Вот если не понимаешь, то никогда не говори про шоколад. А то подумают, что у тебя все в говне. Да, не шаришь ты по фене, Павлик. А то бы знал, что такое шоколад.

– А ты что, ботаешь? – растерянно посмотрел на нее му-

жик.

– Да, но только когда очень-очень пьяная. А я редко напи-
ваюсь, Павлик. Очень редко. Ты зачем меня к себе привез?
Трахнуть хочешь?

– А можно?

– Ну, конечно, можно! Такому мужчине, да нельзя! Пав-
лик, да я твоя навеки! Но, извини, только не с сегодняшнего
дня.

– А с какого?

– С первого дня после нашей свадьбы! Я буду такая счаст-
ливая, что исполню любое твое желание.

– Погоди, какая свадьба? – опешил кавалер. – Разговора
же не было.

– Да? А я так надеялась, что ты возьмешь меня замуж, –
обиженно надулась Марина.

– Но ты же знаешь, у меня есть жена.

– И где она? На курорте, хахалей развлекает?

– Да кто на нее позарится?

– Не любишь ты свою жену. А меня-то хоть любишь?

– Тебя люблю.

– Тогда женись!

– А без этого нельзя?

– Можно, но не всем.

– Марина, ты очень плохо себя ведешь.

– И в чем, разрешите узнать, это выражается?

– Ты с Парцелем крутила, с Игнатовским. И все они в вос-

торге. Говорят, что в постели ты настоящая королева.

– Ты можешь сказать им то же самое. Я не обижусь.

– Чтобы это сказать, я должен в этом убедиться.

– А я тебе расскажу, как это может быть. Ты нежно берешь меня за грудь. – Марина взяла Павлика за руку, приложила ее к своей груди.

Голос у нее томный, волнующий.

– Я млею, я вся горю! Ты медленно снимаешь с меня кофточку. Лифчика нет. Трусики тоже... – Она отшвырнула от себя мужскую руку. Но усилила страстную энергию голоса. – Я лежу перед тобой голая. Каждая клеточка моего тела трепещет в ожидании чуда... Павлик, ты такой мужчина!.. Ты такой сильный... Я не могу... Я больше не могу!.. Все!.. Знал бы ты, как мне было хорошо... Я бы осталась у тебя до утра. Но мне уже пора. Я одеваюсь. И ухожу...

– Но ты же даже не раздевалась! – Павлик задыхался под тяжестью нахлынувших чувств.

– Да? Может быть... Но то, что я ухожу, в этом ты не сомневайся! Извини, мне пора! До новых встреч!

Павлик нагнал ее в коридоре. Схватил за плечи, прижал к стене. Глаза горят, морда красная, на губах пена...

– Ты что, издеваешься? Я тебя кормил, я тебя поил! И что, все зря?

– Хочешь, я тебя поцелую? – мило улыбнулась она.

– Хочу! Становись на колени, сука, и целуй!

– Павлик, ты шутишь! Я же не француженка, чтобы так

извращаться. Я русская баба. В горящую избу войти? Пожалуйста! Я уже здесь. Коня на скаку остановить? Без проблем. Но предупреждаю, коню будет больно.

– Какому коню-ю-ю? У-йе-е!

Павлик схватился руками за отбитые коки и медленно опустился на колени.

– А у меня целовать совсем не обязательно! – хихикнула Марина.

Она ловко расправилась с дверными замками. И была такова.

Ну не виновата она, что у нее не все ладно по женской части. Флирт она обожает. Нравится, когда интересные мужчины целуют ее и обнимают. Под настроение она и раздеться может. Тело-то у нее роскошное, а красоту скрывать преступно. Перед одним счастливицом даже ноги раздвинула. Девственность ему свою отдала. Но леглась под него без особого желания. И удовольствия никакого не получила – ни в первый раз, ни в следующий. Ну не чешется у нее, хоть плачь! Медицина эту болезнь называет фригидностью. Говорят, что беде может помочь только любовь. Но нет любви. Есть только безумная карусель, которая на свой страх и риск крутит Марина. Она и сама безумная. Но ничего не может с собой поделать.

Такси с шашечками она остановила одним движением руки. Мужик за рулем доставлял по адресу пассажира. И не должен был останавливаться. Но как устоять перед эффек-

ной красоткой в модном облегающем платье?

– Куда едем? – игриво посмотрел на нее таксист.

Похоже, он принял ее за проститутку. Но Марина так посмотрела на него, что похабные мысли тут же вылетели из его головы. Она знала, когда и для кого казаться мягкой пушистой кошечкой, а для кого хищной опасной пантерой.

– В Лукарск.

– Это не по пути, – буркнул водитель.

– А если по двойному счетчику?

– Тогда поехали.

Сначала он отвез пассажира, а затем доставил ее в Лукарск. По двойной цене. Марина расплатилась с ним сполна.

Денег у нее хватало. Но состоятельные ухажеры здесь ни при чем. Нет-нет да выходила она на свободную охоту за чужими кошельками. Это же плохо, когда в собственном кармане бегают одни только тараканы. Золотой телец там должен жить. Но воровским промыслом она не злоупотребляла. Боялась попасть в поле зрения милиции. Да и не так уж весело это, кошельки таскать. Да и с мужиками волынку крутить тоже надоело. Душа требовала большого дела. Какого именно – Марина еще не знала.

Лето. День долгий. Полночь через час, а на улице еще светло.

– Марина! – услышала она мужской голос.

Оглянулась, увидела Капрона. Сколько лет, сколько зим... Изменился он. Не то чтобы возмужал. Но заматерел. При-

кид у него не фонтан, да и помятый, как будто на нем кто-то выпался. Походка твердая, уверенная, взгляд не злой, но жесткий и властный.

– Тебе чего? – неприязненно спросила Марина.

Она привыкла, что мужчины, по рукам которых она ходила, рассказывают про нее небылицы. И даже не обижалась. Но Капрон другое дело. Она к нему, можно сказать, серьезно относилась. Хотя он этого и не заслуживал. И она даже боль испытала, когда с его подачи какая-то Снегурка плюнула ей в лицо. Такое не забывается.

– Да вот, посмотреть на тебя хотел.

– Посмотрел? А теперь гуляй вальсом.

– Марин, ты это, извини меня, – повiniлся Капрон. – Глупо все вышло.

– Что глупо вышло? То, что вы втроем со мной были, по очереди? Так ты не извиняйся. Ты здесь ни при чем. Со мной только Кнут был и Анисим. А ты в полете!

– Язва ты. Не было ничего.

– Знаешь, есть просто уважаемые товарищи, а есть глубокоуважаемые. У одних маленькие, а у других большие – глубоко достают. Так вот, у вас большие. Языки... Метете метлами, как бакланы дешевые.

– Я не баклан, Марина. Я жулик.

– Сейчас захопаю в ладоши!

– Марин, я на зоне был.

– Ой, уже уписалась. От восторга.

– Вместе с твоим батей.

– С моим батей, ха! С моим батей?! Ты что, на понт меня берешь?

– Да нет, реально с твоим батей встречался. Он мне про тебя рассказывал.

– Тебе, про меня?! А кто ты такой, чтобы он тебе про меня рассказывал?

– Да вышло так. Спросил, откуда я. В общем, завертелось. Марин, твой батя был настоящим вором...

– Почему был?

– Ну, в нашей памяти он и сейчас вором остается.

– В вашей памяти?! Ша! Ты чо несешь? В какой памяти?

Он что, умер?

– А разве нет? Э-э, так ты что, не в курсах? – сошел с лица

Капрон.

И Марине стало не по себе. Как будто в груди что-то лопнуло и растеклось по крови замораживающим холодом.

Каким бы ни был ее отец, она любила его. Так же, как и мать. Ни матери нет, ни отца. Больно...

– Извини, я думал, ты знаешь. Полгода прошло.

– Никто не сообщил. Он перестал писать. Я думала, его куда-то перевели. А оно вот как. Умер...

– Туберкулез. Надо бы помянуть батю твоего...

– Да, надо бы, – кивнула она.

– Можно в кабак сходить.

– Да, наверное... Только не сегодня... Давай завтра... Из-

вини...

Марина рассеянно помахала Капрону рукой на прощание. И, спотыкаясь, побрела к дому.

С порога нарвалась на тетушку. Настроение у той самое решительное.

– Марина, нам нужно поговорить!

– Может, завтра... Плохо мне...

– Ты не беременна? – с плохо скрытым сарказмом спросила тетка.

– Слишком грешна я для непорочного зачатия.

– При чем здесь непорочное зачатие?

– Притом... Короче, я не беременна. И венерических заболеваний не имею. Да, с мужчинами гуляю. Но держу их на коротком поводке. Пока получается...

– Марина, да о тебе весь двор говорит! Пальцем показывают.

– Показывают, – кивнула она. – Вона, глядите, шалава пошла. А мне поровну, что про меня говорят.

– А я со стыда готова сгореть, когда мне про тебя говорят...

– Потому что я на виду, потому и говорят. А с глаз долой – с языка вон. Я квартиру сниму, отдельно жить буду. Решено.

– Как это отдельно?! – опешила тетушка.

– Я уже совершеннолетняя. Деньги есть.

– Откуда у тебя деньги?

– Я же тебе говорила, ко мне сватается директор одного

очень крупного универмага. Одевает, на карманные расходы дает. А я ему не даю... Кто мне поверит?! А мне все равно, верят мне или нет. Лишь бы я сама себе верила.

– Марина, остановись. Ни до чего хорошего тебя твои «женихи» не доведут.

– Я понимаю тебя, тетя. Соседи пальцами на меня тыкают. Тебе стыдно. Но я перееду.

– Марина, так нельзя. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь. Непутевая ты. Такая же, как твой отец. Как твоя мать. Но я тебя люблю. Как дочь ты мне...

– А ты мне как мать...

Марина не выдержала. Дала волю чувствам. Всхлипнула, подошла к тетке, обняла ее.

– Отец умер, – сквозь слезы сказала она.

И разрыдалась.

* * *

А утром она отправилась в Лукарск... Тетка у нее хоть и вредная, но хорошая. Но жить им лучше по отдельности. Но поблизости друг от друга.

Лукарск – не Москва и не Ленинград. Но новый микрорайон, где Марина нашла квартиру, поразительно напоминал многоэтажные застройки из «Иронии судьбы...». Типовые дома, рынки, магазины...

Квартира двухкомнатная. С мебелью. Хозяева на пять лет

на Север завербовались. Семьдесят рублей в месяц, и за год вперед. Марина такие деньги за час-два могла заработать, если охота удачная.

Она могла бы жить и в Москве. «Добрые дяденьки» предлагали ей съемные квартиры. Как уж бы! Не будет она ни от кого зависеть! Никогда! Мурка гуляет сама по себе.

* * *

Трель электрического соловья из прихожей действовала на нервы. Марина накрыла голову подушкой, чтобы не слышать ее. Но из этого ничего не вышло. Пришлось подниматься, идти в прихожую.

Она поднялась с постели, набросила халат, запахнулась, сунула ноги в тапочки. По пути оправила рукой растрепанные за ночь волосы. Глянула на часы. Половина шестого вечера. Что называется, прилегла отдохнуть после обеда на пять минут.

Прежде чем открыть дверь, глянула в глазок. Капрон. «Твою мать!»

Он производил гораздо более приятное впечатление, чем в прошлый раз. Тогда он выглядел как бродяга в плохом смысле этого слова. А сейчас прилизанный, гладко выбрит, sprays одеклоном, рубаха с коротким рукавом, черные брюки – все с иголочки, отутюженное. И туфли тоже новые – похоже, импортные, из натуральной кожи. Уж не кассу ли

сорвал жулик? Впрочем, это его проблемы. И уж не Марине его судить.

– Как ты меня нашел? – спросила она, не без интереса рассматривая его.

– От меня не скроешься!

Он уверенно переступил через порог. Движения четкие, энергичные.

– Нужен ты мне, чтобы от тебя скрываться.

– Не нужен? – ничуть не смутился он.

– Нужен. Диван хочу передвинуть. Поможешь?

– Если хорошо попросишь.

– И попрошу.

Она легонько прижалась к нему бедром, обвила рукой его шею и поцеловала в щеку. Одеколон дешевый, но сквозь него пробивался терпкий запах сильного мужчины. Приятное ощущение. Даже чуточку возбуждающее.

Капрон не растерялся. Ухватил ее за талию, чтобы крепче прижать к себе. Но не учел того, что Марина умела превращаться в змею. Ядовито шикнула на него и змейкой выскользнула из его рук.

– Хорошего понемногу.

– Нельзя так. Ты могла разбудить во мне зверя.

– И что бы ты тогда сделал? Рассказал бы своим корешкам, как мы весело с тобой кувыркались?

Капрон опустил глаза, закусил губу. Видно, что неприятно ему вспоминать случай трехлетней давности.

– Да ты не напрягайся, – прощая, улыбнулась она. – Все вы, мужики, одного поля ягоды. Трепачи.

– Кто это все?

– Ты. И те, с кем я гуляла. Ты уже навел справки, с кем я гуляла? – пристально посмотрела на него Марина.

– Допустим.

– За шлюху меня держишь. Мне все равно, что ты про меня думаешь. Но за шлюху меня держать не надо. Я не такая.

– Зачем же ты с ними гуляла?

– А ты не подумал, откуда у меня дорогие шмотки, откуда деньги на квартиру?

– От них?

– Думаешь, кто-то из них меня содержит? Не угадал. Кстати, а ты неплохо наварился.

Марина бросила на стол согнутую пополам стопочку «четвертных». У Капрона, по ходу, из кармана вытащила.

– Откуда это? – удивленно протянул он.

– Из твоего «жопника». Деньги в сберкассах надо хранить!

– А я не заметил, блин.

– Ловкость рук и никакого мошенничества.

– Так ты что, ухарей своих щипала?

– Я что, на дуру похожа? Чтобы они в ментовку потом настрочили? Работать нужно чисто. Ты вот не наследил?

Взглядом показала она на деньги.

– Нет, все чин-чинарем, – расплылся в улыбке Капрон. –

Мы этого «бобра» долго пасли. Чисто сработали. Без мокро-го. Жирный «бобер» попался. Кстати, надо бы обмыть это дело. И батю бы твоего помянуть. Как договаривались.

– Договор дороже денег. Кофе будешь?

– Не отказался бы.

– Вот зерна, вот кофемолка, вот турка, вода в кране. Действуй.

Марина оставила Капрона на кухне, а сама отправилась в спальню наводить красоту.

Глава 6

Капрон слышал, что после армейки служивому дается три месяца законного отпуска. Но он же не в армии служил. Да и не мог он позволить себе такой длинный отдых. Бабло было нужно. Поэтому они с пацанами отправились на Моторолку – так назывался авторынок в районе Лукарска. Там и приметили мужика – к лайбам приценивался. Ходит, опасливо озирается по сторонам, левая рука согнута в локте – жметя к внутреннему карману пиджака. Бездарный фраер, типичный лох. Ходил этот придурок, ходил, пока в сортир не зарулил. Там Капрон его приголубил. Со спины зашел и взял на хомут – одной рукой горло пережал, а другой карман вычистил. А когда мужик вырубился, головой его – в загаженное очко.

В кармане у мужика обнаружилось четыре тысячи. Не хилые в общем-то бабки. Но приличную тачку на них не купишь. Видать, лох за «Запорожцем» гонялся.

Капрон хорошо помнил, как смотрела на него Марина в ту встречу, когда он рассказал ей о гибели отца. Сама она в фильдеперсах, вся из себя, а он как чушок одет. Короче, сменил он прикид. Привел себя в порядок. И к Маринке.

Но выяснилось, что Марина на Пятом километре больше не живет. Ее тетка отказалась назвать ее новый адрес. Зато «доброжелательная» соседка с удовольствием просвети-

ла – где-то в новом микрорайоне Лукарска она поселилась. Но где конкретно? Пришлось Капрону банально выслеживать ее. Нарезал круги по микрорайону, пока не увидел ее. Вечером дело было. Из магазина Маринка домой шла. Одна. И на ночь никуда не уезжала. Никто к ней на ночь не приезжал. А говорили, блядует баба. А может, и блядует. Слухи на пустом месте не рождаются.

Заявился он к Маринке. Но разве ж серьезно с ней поговоришь? Хи-хи, ха-ха. В натуре ей наплевать, какие слухи о ней гуляют. Капрон штаны изнутри чуть не испачкал, когда Маринка прижалась к нему, обвила рукой шею, поцеловала. Попытался ухватить ее – облом по всей морде. Такая баба голышом станцевать перед тобой может, но в руки не дастся.

Маринка отказалась от платьев и юбок. Влезла в модные обтягивающие джинсы. Блузка с открытыми плечами, босоножки на высоком каблуке, сумочка на длинном ремешке. Волосы распущены, глаза и губы накрашены. На загорелом лице ни единого прыщика. Но даже будь ее лицо сплошь в фурункулах, она все равно осталась бы красивой. Даже если бы опухло лицо, черные глаза спасли бы ее красоту. Но Маринка не опухла. И не разжирела. Худошавая, стройная, пьянящая.

В ресторан она зашла как к себе домой. Улыбается, но в глазах угадывается неприязнь. Капрон понял, что не в тот кабак он ее притащил. Надо было в Москву ехать, а он в Лукарске с ней остался. Ну да ладно.

– А где твои дражайшие корешки? – спросила она.

– Да я думаю, мы и без них обойдемся.

– Правильно думаешь. Честно тебе скажу, не нравится мне твой Кнут. Скользкий какой-то.

– Какой есть.

Кабак мало-помалу заполнялся народом. Капрон нет-нет да посматривал по сторонам. Жирных «бобров» с изысканными дамочками не наблюдалось. Да и не могло их здесь быть. Центральной лукарский кабак пользовался дурной славой. Завсегдатаи здесь – шпана, бакланы. Братва серьезная частенько сюда заглядывала. Мочалки, дешевые путаны – без них никуда.

Напрасно Капрон пытался отыскать знакомые лица. Ни одной известной «вывески». Да и хрен с ним. Он же зарулил сюда, чтобы с подружкой погудеть. Ему сейчас братания с жульманами и пацанами ни к чему.

«Халдей» накрыл стол. Расклад простой: шампанское для дамы, водочка для кавалера. Но Маринка захотела «беленькой».

– А мне здесь нравится, – сказала она. – Народ здесь лихой. Тревожно. И нервам щекотно. Такая вот я ненормальная – сама лиха ищу.

– Кто ищет, тот всегда найдет, – усмехнулся Капрон.

– Не знаю, у меня не очень получается. Все какие-то малахольные мужики попадаются. Бабок много, а интересов мало. Надраться под музыку и в постель.

– С кем в постель?

– Со мной. Только со мной не получается. Не люблю малахольных.

– У малахольных руки есть.

– А у меня «перышко» всегда при себе. Помнишь перышко?

Разумеется, Капрон не мог забыть, как Маринка нож к его горлу приставила. Если такой номер даже с ним прошел, то малахольным «бобрам» точно с ней ничего не светило.

– Такое не забывается, – невесело усмехнулся Капрон.

– И не напоминает. Забудем, что было?

– Уже забыл.

– Ты мне скажи, что у тебя в настоящем.

– Да так, живу как могу.

Капрон заметил направленный на него взгляд из-за столика в дальнем углу зала. Братва какая-то левая. Четыре пацана и две девки. Марухи лыбятся, что-то там лопочут, а парни молча хлебрезками своими работают. Один смотрит на Капрона. Встретился с ним взглядом, криво усмехнулся и уронил глаза в свою тарелку.

– Что там такое? – безмятежно спросила Маринка.

– Да черти какие-то мутные. Нутром чую, что-то им от меня нужно.

– Всем что-то от кого-то нужно. Чего сидишь, наливай!

Маринка опрокинула в себя стопку водки с такой легкостью, как будто это была вода. Сунула в рот сигарету. Капрон

щелкнул зажигалкой.

– Хорошо!

После пятой-шестой рюмки ей стало еще лучше. Сама потянула Капрона танцевать. Жметя к нему всеми частями тела. И ей совершенно наплевать, что у него стоит, как у молодого на морозе.

Только они вернулись на место, оприходовали по стопке, как к ним подрулил мутный пацан, который так не понравился Капрону. С хозяйским видом, без спроса плюхнулся на свободный столик. Вперил в Капрона дутый понтами взгляд.

– Поговорить надо, – с ухмылкой сказал он.

– О чем?

– Да есть о чем, – криво усмехнулся чертила и пренебрежительно посмотрел на Маринку. – Ты, краля, иди, потанцуй.

Он поднял руку, щелкнул пальцами, и к нему подскочил один из его корешков. Вальяжно, врастяжку:

– Костян, лялька тебя хочет! Надо ее станцевать!

– Да без проблем!

– Без проблем тебя самого станцуют, Костян! – не выдержал Капрон.

– Я даже знаю, куда и чем! – ехидно усмехнулась Маринка.

Держалась она на зависть спокойно. Ни капли страха или хотя бы робости во взгляде.

– Э-э, Шурш, я не понял, они чо, борзеют? – набычился Костян.

– Нет, они просто не понимают, – мотнул головой чертила.

– Да, кажись, ты, фраерок, не в ту степь заехал! – скринулся Капрон. – Ты куда баллоны катишь, баклан?

– Кто баклан?! – нахохлился Шурш.

– Тот, кто бакланит, тот и баклан. Чо надо тебе, биток? О чем ты с честным жульманом перетереть хочешь?

– Пусть она погуляет, – кивком головы Шурш показал на Маринку.

– Не, ну ты в натуре рогомет.

– Тогда пойдем выйдем!

– Да не вопрос. Только раз на раз.

– Заметано.

Капрон очень не хотел оставлять Маринку одну. С сомнением посмотрел на нее. И получил в ответ утвердительный кивок. Иди и не бойся.

Капрон дождался, когда Костян вернется на свое место, и только затем направился вслед за бакланистым Шуршем. Они вышли на улицу.

– Ты на Моторолке был? – с ходу спросил борзяк.

– Мало ли я где был? Те чо конкретно надо?

– Лоха ты на гоп-стоп брал? – продолжал наседать Шурш.

– Не понял, что за предъявы?

– Реальные предъявы. Ты не выдергивайся, пацаны видели, как ты за лохом в клозет зарулил.

– В глаза твои пацаны долбятся. А если и взял терпилу на хомут, в чем проблема?

– Проблема в том, что Моторолку мы держим. Это наша территория.

– Это ты пацанам своим в песочнице расскажи. А меня загружать не надо. Я птица вольная, на кого хочу, на того и кладу. И на тебя с твоими постановлениями класть хотел.

– Клади. Но сначала башли сбрось. Терпила четыре штуки потерял. Половина моя.

Капрон ничего не сказал. Презрительно сплюнул Шуршу под ноги и направился к ресторану. Но путь ему перегородили бакланы из его стаи. «Гоп-стоп, мы подошли из-за угла...»

Капрон повернулся к бычьему боком, чтобы Шурш не остался за спиной. Но по-любому, положения это не спасало. Пацаны не хилые на вид. И если они ударят разом, Капрону придется ой как худо. А Шурш уже готов дать отмашку.

Но в самый последний момент появилась Маринка. Толпу это развеселило.

– Ты чо, лахудра, на вертолет хочешь? – гоготнул Костяк.

– Обожди немного. Щас твоего фраера сотрем, а потом и тебя сделаем, – вякнул кто-то из толпы.

Но Марина и ухом не повела. Идет стремительно и уверенно – как легкий танк. Взгляд не по-женски жесткий и сильный. Но Шурш ухмыляется. Ухмылялся, пока Маринка не подошла к нему. Не сводя с него глаза, раскрыла свою сумочку, сунула туда руку и резким порывистым движением вытащила оттуда карманных размеров револьвер, взвела ку-

рок.

Шурш и опомниться не успел, как ствол уперся ему в лоб.

– Скажи своим уродам, чтобы сдернули отсюда! – спокойно, без надрыва сказала она.

Ее леденящий тон и поразительная уверенность в себе подействовали на баклана убийственно. Он махнул рукой, чтобы его дружки убирались. Те послушно исчезли из виду.

Маринка отошла на шаг назад, спрятала револьвер. И тут же ее место занял Капрон. С ходу рубанул Шурша по печени. И когда тот сложился вдвое, саданул его кулаками по почкам.

– Уходим! – повелительно сказала Маринка.

Капрону ничего не оставалось делать, как идти за ней.

Их никто не преследовал, поэтому они спокойно добрались до автобусной остановки, поймали частника.

– Ко мне домой? – спросила Маринка.

Она снова была безмятежно спокойна. Как будто ничего и не произошло.

– А можно?

– Ко мне можно. А в меня – нет.

Она достала из своей сумочки сигарету. И вслед за ней извлекла тот самый спасительный револьвер. Капрон хотел спросить, откуда у нее ствол. Но в это время Маринка поднесла ствол к сигарете и нажала на спусковой крючок. Это была всего лишь зажигалка. Револьвер-зажигалка. Но смотрелся он очень убедительно. Но даже если бы ствол был ре-

альный, Шурш мог бы и не купиться, если бы Маринка сама по себе своим видом не вогнала его в ступор. Да что там Шурш, самому Капрону стало не по себе, когда она ствол вытащила. Столько в ней было агрессивной решимости, что уши раскрылись в ожидании выстрела.

Капрон купил у таксиста бутылку водки. Но Маринка пить отказалась.

– Когда пьешь в ресторане – гулянка. Когда пьешь дома – это пьянка.

Он не стал ее уговаривать. Понимал, что бесполезно. При всем кажущемся легкомыслии Маринка – баба упертая и непробиваемая. Налил себе, выпил.

– Хочешь ты того или нет, но теперь ты должна быть с нами, – после долгого раздумья сказал он.

– С кем, с вами?

– Со мной. С Анисимом. С Кнутом. Без нас тебя сожрут.

– Кто?

– Шурш со своими додиками. Моторолку он держит. Борзота. Два куска снять с меня хочет. Надо решать вопрос.

– Как?

– На правилку этого Шурша ставить надо. С людьми говорить буду. Короче, разведем рамс.

– А оно тебе нужно?

– Не понял, ты что, хочешь, чтобы борзота всякая права здесь качала?

– Пусть качает. Пусть смотрящий им предъявляет. Те-

бе-то какое дело до мировой революции?

– Ну, так с Шуршом разобраться надо.

– Мы с ним уже разобрались. Я его шуганула, ты ему насыпал. Он больше не залупнется. Да ты и сам это знаешь. Или тебе Моторолка нужна?

– Может, и нужна. Место рыбное. Лохов там как собак.

– На запчастях можно хорошие деньги делать, – подсказала Маринка.

– А что, не вариант? Тачку сдернул, раскромсал и по частям на Моторолку.

– Думаешь, ты один такой умный? Менты тоже знают, чем на Моторолке промышляют. Не удивлюсь, если там стукачей будет больше, чем лохов. Думаешь, Шурш долго протянет? Заметут рано или поздно.

– Если он ментам не отстегивает.

– А ты бы стал отстегивать ментам? – резко спросила Маринка.

– Нет! – Капрон поспешил откреститься от умной в общем-то мысли.

– Вот я и говорю, что запахло ментов кормить. Да всех и не накормишь. Не надо пастись там, где медом намазано. Нужно, как пчелка, от одного цветка к другому. Тогда менты на хвост не сядут. За что ты срок взял?

– Скок залепили. Хавиру выставили, я барахло барыге снес, а тот ментам меня сдал.

– Значит, не нужно барахло брать. Чтобы потом с барыгой

дел не иметь. «Воздух» брать нужно, деньги.

– Вот я и говорю, терпилу на Моторолке бортанули, а у него «воздуху» на четыре «куба».

– Как ты его бортанул? На гоп-стоп, наверное?

– Ну да.

– Ты же скокарь, а не гопник. Что-то меня понесло. Мозги тебе не в тему вправляю. У тебя две ходки, а я тебя учу.

– В том-то и дело, что две ходки. Третьей не боюсь. Но хотелось бы задержаться на воле.

– Тогда не лезь на рожон. Я знаешь, с какими мужиками гуляла? – неожиданно спросила Маринка.

– При чем здесь это? – поморщился Капрон.

– Да при том. Богатые мужики. Торгаши, цеховики. Одного подцепила, а дальше сама по рукам, как эстафетная палочка. К одному приехала. Квартирка стремная. Но это для виду. У меня чутье на деньги. Так там деньгами пахло. Он спать завалился, а я со скуки шмон сделала. Нычку нашла. А там рыжье, лавья немерено. Думаешь, я что-то себе взяла? Не-а, не резон. Светиться не хотела.

– А чего тебе бояться? Торгаш бояться должен. Откуда у него бабло? То-то же. Не стал бы он ментам жалиться.

– Ты в этом уверен? – как на неразумного посмотрела на него Маринка. – Он бы не стал про заначку говорить. Заявил бы, что я всего лишь зарплату его взяла. Закрыли бы меня годика на три-четыре. А я птица вольная, в клетке зачахну.

– Так ты что предлагаешь?

– Разве я что-то предлагаю? – удивилась Маринка. – Я говорю, что с умом дела делать нужно. Дела делать, а не разборки клеить.

– Так давай дела делать!

– С кем, с тобой?

– Я же тебе сказал, тебе без меня нельзя. Пропадешь.

– Не угадал. Никто ничего мне не сделает.

– И все равно тебе со мной нужно быть.

– Боишься пропасть без меня? – ехидно спросила Маринка.

– А кто его знает, может, и пропаду! Ты вот про барыг говорила. У которых нычки жирные. Адреса-то их знаешь?

– Знаю.

– Может, наколочку дашь? Мы поработаем.

– Еще чего! Вы поработаете, а я сяду – очень интересно!..

Если вместе работать будем, тогда не так обидно.

– Так а я о чем? Давай вместе!

– Я, в общем-то, без тебя обхожусь легко и просто. В моем деле сбоку припека не нужна. Сообщник сдать может. Но фишка в том, что мне скучно карманы щипать. Душа большого дела требует!

Глаза у Маринки вспыхнули азартным огнем, дыхание участилось. В таком состоянии либо банк срывают, либо проигрываются в пух и прах.

– Так давай «бобров» бомбить будем. Ты даешь наводку, мы работаем.

– Как?

– Скоком. У нас опыт имеется.

– Ты знаешь, какие там двери! Только с виду простые, а стоят крепко – не выломаешь. Замки навороченные, отмычкой не возьмешь. А есть квартиры, которые на охране.

– Ничего, что-нибудь придумаем.

– Думай. Пей водку и думай.

– А может, лучше вместе думать будем?

Капрон поближе подсел к ней. Сначала прижался к ней бедром, затем обнял одной рукой за плечи. Маринка не выделялась. Сидит молча, думает о чем-то. Тогда он положил руку ей на грудь. Ничего. Просунул руку под блузку. Никакой реакции. Снял блузку. Языком провел по ложбинке между грудками. Марина напряглась, истомленно закрыла глаза, запрокинула голову назад. Капрон дал волю рукам. Марина натурально прибалдела. Только вот ноги раздвигать и не думает.

А Капрон разошелся не на шутку. Давление такое, что клапаны срывает. А есть только один способ спустить пар. Но Маринка была начеку. И в тот момент, когда он втиснулся между ее ног, больно укусила его за нос.

Он мог бы ее ударить. Но, даже вне себя от злости, он не посмел поднять на нее руку. Да и не стала бы Маринка подставляться под удар. Она сама была похожа на разъяренную змею, и нож в ее руке остро напоминал ядовитое жало.

Глава 7

Кнут жадно пересчитывал деньги.

– Тысяча сто. Тысяча двести. Две тысячи. Три. Десять. Двадцать. Тридцать восемь кусков, братва!

– Откуда у вас эти деньги, гражданин? – строго спросил у него Анисим.

Он был в ментовской форме – фуражка с красным околышем, рубашка с коротким рукавом, погоны с капитанскими звездочками. Галифе, хромовые сапоги, но главное – пистолет в кобуре.

– Как откуда? – развеселился Кнут. – Я два года на промке горбатился! Хозяин по три куска в месяц платил. Вот и считай, начальник!

– А рыжье откуда?

– Так это, на очистных намыл. Говно влево, рыжье вправо. Гы-гы!

– Так я не понял, рыжье чо, в говне? – прикалывался Анисим.

– Чо, замараться боишься? Так ты мне свою долю отдай, го-го!

Марина сидела в кресле, курила и молча наблюдала за этой пикировкой.

За ментом братва ездила аж в Ярославль. В два дня обернулись. И клифт с погонами привезли, и ствол. Капрон клят-

венно утверждал, что раздетого мента добивать не стали. Не взяли грех на душу. И правильно, «мокрый гранд» им ни к чему.

Дальше проще. Марина объяснила, как и что делать. Даже что-то вроде тренировки провели. Один за терпилу, а другие изгалялись над ним по науке. «Воруете, гражданин нехороший, нарушаете социалистическую законность, а ну-ка деньги на бочку». Что-то в этом роде. Поупражнялись пацаны, и на дело. Марина наколочку им на гражданина Парцеля дала. Анисим – «участковый», а Капрон и Кнут – оперативники из ОБХСС. Ордер липовый ему предъявили. Закошмарили мужика. Обыск провели, даже понятых из соседней квартиры пригласили. Короче, наварились на кучу бабок и драгоценных безделушек полную шкатулку взяли. И на квартиру к Марине. Добро делить. И обмывать удачно обстрипанное дельце.

– Хорош прикалываться! – осадил прикольщик Капрон.

Он был у них за старшего. И при этом танцевал под ее, Марины, дудочку. Что она скажет, то он и делал.

– Что с побрякушками будем делать? – спросила она.

– Барыгу надо искать, – с умным видом сказал Кнут.

– Чтобы он потом нас ментам сдал? – покачала головой Марина. – Не вариант.

– Не вариант, – кивнул Капрон.

– Я думаю, рыжье нужно в слиток переплавить.

Капрон влет подхватил ее идею.

– Дантисту левому спихнуть можно. Пусть фиксы из рыжья лепит.

– А камушки? – спросил Кнут.

– Камушек без перстня не опознаешь, – как на недалеко-го посмотрела на него Марина. – Камушки ювелиру загнать можно.

– А кто рыжье будет плавить? – озадаченно посмотрел на нее Кнут.

– Кто спрашивает, тот и делает, – лукаво улыбнулась она и посмотрела на Капрона.

– Ты, Кнут, спросил, ты и сделаешь, – решил тот.

– А я умею? Как это делать, а?

– Очень просто, – осклабился Анисим. – Идешь в ментовку и говоришь, я такой-то, такой-то, много рыжья намыл, в слитки нужно укатать. Менты тебе популярно объяснят, как это сделать.

– Может, лучше сам сходишь? У тебя клифт мусорской, – с кислой миной отмахнулся от него Кнут.

И так же кисло посмотрел на Марину. Не нравится ему, что, по сути, им командует баба. Забыл уже, что эта баба спасла его вонючую валторну от расправы, и Марина смотрела на Кнута с плохо скрытой неприязнью. Не нравился ей этот тип.

Кнут был возмущен.

– У него же барахла красного – жуть! Все хапнуть надо было!

Марина понимала его состояние. Сама видела, сколько у ее бывшего ухажера Павлика было антиквариата. Картины, статуэтки, посуда, мебель. Больших денег все это стоило. Но Капрон ничего не взял. Только лавье, только золото и серебро. И не только это. Никак не думала Марина, что у Павлика обнаружится старый, но исправный и хорошо сохранившийся наган с патронами.

А денег было много. Без малого шестьдесят тысяч рублей. И драгоценностей хватало.

– Жадность фраера сгубила, – спокойно сказала Марина.

– Это кто фраер?! – взвился Кнут.

– Тот, кто ведет себя как фраер.

– Ты это... Ты много на себя берешь...

Кнут выщелкнул из пачки папиросу.

– Курить – на кухню. – Марина показала ему на дверь.

Кнут вышел из комнаты на кухню. Послушный, но ершистый. Иголки у него такие же тупые, как и он сам.

На кухню вышел и Капрон. Марина не удержалась. Тихонько прокралась в умывальник, дверь оставила открытой – чтобы все слышать.

– Капрон, я не въезжаю, нами чо, баба рулит? – возмущенно спросил Кнут.

– Рулит. Чтобы ты не в тот поворот не въехал. Четыре де-люги за нами, Кнут, и ни одного прокола. А бабла сколько срубили.

– А чего нам проколов бояться? Ну заметут менты. Тюрьма – наш дом.

– Давай не будем понты чесать, Кнут. На кич мы всегда успеем.

– Успеем. Закроют нас, а братва предъявит – чо это вы, жулики-мазурики, под бабой ходите?

– Никто тебе не предъявит. Маринка – центровая баба. Вся в батю своего.

– Да ладно. Запал ты на нее, потому и волю даешь.

– Ты за метлой следи. Не в тему метешь, пыли много.

– А не нравится мне, что баба у нас мазу держит. Мы дела делаем, а она в стороне. Разве так можно?

– Нужно. Наводку кто дает? Она. Терпилы Маринку знают, ей светиться нельзя.

– Наводку она дает. Сказал бы я, кому она давала.

– Скажи, – угрожающе зашипел на Кнута Капрон. – Пойди ей самой и скажи.

– И пойду!

Марина успела вернуться в комнату еще до того, как там появился Кнут.

– Базар есть! – с ходу объявил он.

Свое удивление Марина выказала едва уловимым движением брови. Взгляд ледяной, замораживающий. На губах змеится хищная улыбка.

– Тебе не кажется, что ты много на себя берешь? – спросил Кнут.

Марина видела, что с каждым словом из него выходила уверенность. Напряжение же в ее взгляде, напротив, усиливалось.

– Ты кто такая? – истерично взвизгнул Кнут.

Она молчала. И все глубже впивалась в него гипнотическим взглядом.

– Нельзя так! – на последних остатках запала выдал Кнут. – Ты баба, ты должна знать свое место.

– Я не баба, – тихо, не меняясь в лице, сказала она.

– Кошка блатная, да?

– Кошка. И зовут меня...

– Мурка... – неожиданно для себя продолжил за нее Кнут.

– Ты угадал, – свирепо улыбнулась Марина.

– Мурка ты... Ну да, Мурка. – Он уже не стеснялся подыгрывать ей.

Не стеснялся. Потому что боялся. Кнут признал ее власть... А куда ему деваться?.. Марина чувствовала себя королевой.

– Еще вопросы есть? – почти ласково улыбнулась Марина. – Хочешь знать, кому я даю и кому давала, да? Запомни, котик, у Мурки не бывает течки. Поэтому она не та кошка,

которая дает.

Второй месяц она живет с Капроном под одной крышей. Но бедному жулику до сих пор ничего не обломилось.

Нет у Марины желания раздвигать ноги перед мужиками. Но если бы и было, она бы все равно не легла в постель к Капрону. Ведь не спит же он с тем же Анисимом, нет. И с ней спать не должен. Потому что она не маруха и не бареха. Она – Мурка, центровая кошка.

* * *

Не так уж много было у Марины богатых кавалеров из прошлой жизни. По пальцам пересчитать можно. А пальцы уже закончились. Восемь дел, и все без сучка и задоринки.

Сегодня ошкуривали девятого по счету «бобра». Это был первый клиент, которого Марина не знала лично. Адресок пробил Анисим – через центровую валютную путану.

«Карась» жил в частном секторе на дальней окраине города. Десятка два деревянных домиков в окружении многоэтажных коробок.

Действовали по привычной схеме. Капрон, Анисим и Кнут находились в доме – доили лоха. Марина и новенький, Баур, – на шухере, в машине. Тачка у них отменная – «семерка» с тщательно отрегулированным движком. Баур следил за ней, как ревнивый муж за красавицей-женой.

Прошел час, потянулся второй. Никакой суеты. Братва ти-

хонько чистила закрома терпилы. Марина на стреме. Если появятся менты... Не думала она, что мусора появятся. Не должно было их быть. А они взяли да появились.

Когда в конце улицы появилась ментовская «канарейка», она думала, что это случайность. Думала, что легавые пройдут мимо. Но нет, машина остановилась возле лоховского дома. Из нее выскочили два мента – пузатый старшина и худой, длинный, как жердь, сержант. Водитель остался на месте.

Старшина достал из кобуры пистолет и с опаской, но решительно направился к дому. Сержант тоже расчехлил ствол. Марина задергалась. Неужели лох просек фишку и смог вызвать ментовской наряд? Похоже на то.

Думать было некогда. Нельзя медлить – нужно действовать.

– Баур, запрягай лошадей! – распорядилась она.

И вытащила из-под сиденья наган. Взвела курок. Высунулась из окна и выстрелила по ментам – поверх голов.

Баур сорвал «семерку» с места. Менты открыли по ней ответный огонь. Но стрелками они были аховыми – ни одна пуля не догнала машину.

Марина видела, как менты бегут к своей «канарейке» и загружаются в нее. Отлично. Сейчас они погонятся за ней и тем самым оставят без присмотра Капрона, Анисима и Кнута.

Баур доказал, что его машина находится в отличном со-

стоянии. Менты гнались за ней безуспешно. Гнались, пока их «козел» не заглох.

– Куда им, уродам, до нас! – бахвалился Баур.

– Машину придется сжечь, – обескуражила его Марина.

– Ты что, шутишь?

– Следы заметать нужно.

– Жаль.

Они выехали за город, загнали машину подальше в лес. Баур чуть не плакал, когда обливал бензином свою красавицу. Марина стащила с себя парик, бросила в салон. Была блондинкой, снова стала шатенкой.

Машина вспыхнула, как смоляной факел. Форменный вандализм, но ничего с этим не поделаешь.

Уже стемнело, когда они попали на квартиру. Там их ждала братва. На столе кейс – деньги и золотишко.

– Мурка, ты мой Муреночек... – растянулся в улыбке Капрон. – Круто ты ментов сделала!

– Да мы бы и сами их сделали, – буркнул Кнут.

– Вы бы их завалили, а я только шухер навела. Без мокрого. Как мусора на нас вышли?

– Вопрос... – нахмурился Капрон.

– Терпила как себя вел?

– Да как обычно. Шуганулся, когда мы ксиву светанули.

Лапки кверху...

– А менты тогда откуда?

– Хата у него на охране, – мрачно изрек Анисим. – Кнопка

красная. Может, нажал втихаря?

– Запросто! – подхватила Марина. – У барыг свой круг. Они уже в курсе, что мы их как лохов доим. На измену они сели. На стреме все. Да и менты теперь за нас всерьез возьмутся. Засада, короче. Хату менять будем. А еще лучше на юга задвинуться, на дно залечь на время.

– А чо, бабла у нас много! – растянулся в улыбке Анисим. – Оттянемся на югах, а опосля снова будем стричь.

* * *

Октябрь. В Москве промозглая осень – дожди, холодно. А в Сочи – красота. Тепло, солнце, море еще не остыло. Пальмы, чайки, все дела. Короче говоря, бархатный сезон в самом разгаре.

Марина сняла целый дом в частном секторе. Сама договорилась с хозяином, расплатилась с ним. И когда он отчалил, дала отмашку парням. «Заходите, гости дорогие. Чувствуйте себя как дома. Но не забывайте, кто в этом доме хозяин...» Она была хозяйкой. И никто уже не пытался оспаривать ее право на главенство.

Дом большой – шесть комнат. Аккуратный дворик с беседкой из винограда, еще пока что зеленый сад. Тишина, умиротворение. Недалеко плещется море. Рай земной. Марине здесь очень нравилось, но при этом она твердо знала, что спокойная жизнь ей скоро надоест. Неугомонная натура,

авантюрная душа.

Впрочем, и на отдыхе жизнь была ключом. Море, рестораны, девочки для мальчиков... Анисим, Кнут и Баур таскали в дом баб. Марина не возражала. Не обиделась бы она, если бы и Капрон разгулялся на всю катушку. Но тот с новой силой приударил за ней самой. Охапками дарил ей цветы, в ресторанах заказывал песни для нее.

Марина в какой-то степени отвечала ему взаимностью. Курортная атмосфера действовала расслабляюще. Оттого и появилась в душе смутная уверенность, что близость с мужчиной доставит ей удовольствие. Но под Капрона так и не легла. Не хотела быть его марухой.

В конце концов Капрон махнул рукой. Вместе с Анисимом отправился на охоту за бабами. Но вместе с ними приволок в дом какого-то мазурика. Сам пьяный в дымину. И кореш ужратый.

– Это братан мой! – объявил он. – В одной хате на зоне мотали. Да, Котяра?

– Котяра?! – удивленно повела бровью Марина. – Это что, погремуха такая?

– Угу, – кивнул мазурик.

Он смотрел на нее, как кот на сметану. Глаза масляные, губы мокрые.

– Я Котяра, а ты моя кошечка. Мурр...

– МУР в Москве остался, – съязвила Марина.

– МУР в Москве, – кивнул Котяра. – А я здесь. И весь

ваш без остатка, мадам...

– Бери, не пожалеешь! – хихикнула лахудра, которую только что притащили в дом. – У него такой аппарат, орать будешь – как будто только что на свет народилась.

Марина нахмурилась. Не нравился ей этот разговор. И Капрон с Анисимом куда-то, как на грех, подевались.

– Ты орала? – спросила она.

– У-у! Не то слово...

– Не видно, что ты на свет народилась. Видно, что ты – жертва аборта.

Девка закусила губу. А Котяра похабно ухмыльнулся. Весело ему. И на Марину как на отвязную лахудру смотрит.

– А ты чумовая баба! Я таких люблю.

– Ага, и спереди, и сзади... – злобно хихикнула марамойка.

– За базаром следи, сосулька! – сверкнула взглядом Марина.

– Гы, сосулька... – гоготнул Котяра. – Мастевая сосулька.

А ты, наверное, лучше на флейте играешь?

– Да куда уж мне до тебя!! – рассвирепела Марина.

– Чо ты сказала? – вспенился мазурик.

И попытался вцепиться Марине в горло. Но та вовремя отскочила назад и вытащила из кармана вездесущую «лисичку». Но щелчок выбрасываемого лезвия не привел Котяру в чувство. Только еще больше взбесил.

– Попишу, шалава!

Он тоже вытащил свой «кнопарь», выщелкнул лезвие. И этим подписал себе приговор.

Взял нож – бей, не бьешь – умри. Котяра промедлил с ударом, зато Марина оказалась на высоте. Стремительный рывок вперед, неуловимо быстрый взмах руки. Мазурика спасла реакция. Он успел податься назад. Марина могла одним ударом вспороть ему глотку, но жало ножа лишь вспороло кожу под кадыком.

– А-а-а! – завизжала шалава.

– Твою мать! – взревел Котяра.

Одной рукой он схватился за горло, а второй, с ножом, попытался достать Марину. Но та полоснула его по запястью, и «перо» вывалилось из рук.

В панике мазурик прижался к стене. Марине ничего не стоило добить его. Но она лишь прижала лезвие ножа к его шее.

– Ты на кого лапу поднял, быдло? – злобно прошипела она.

В комнату ворвался Капрон. Но Марина не обращала на него внимания.

– Ты кого запарафинить хотел, чмос? – Она еще сильнее вжала нож в податливую плоть.

– Братан, убери эту чокнутую! – в ужасе заскулил Котяра.

– Она не чокнутая, – мотнул головой Капрон. – Она – Мурка. Ты чо, наехал на нее?

– Я же не знал! – завопил мазурик.

– Как не знал? Я ж тебе говорил, что не одни мы здесь. Мурка с нами. С ней шутить нельзя.

– Да я уже понял!

– Ну, если понял, тогда живи.

Марина вытерла окровавленное лезвие о его одежду, вернула его на место, спрятала нож.

– Мурка, ты это, извини, обознался, – жалко пробормотал Котяра.

Но Марина на него не смотрела. Она буравила взглядом перепуганную лахудру.

– Запомни, тварь конченная, я сзади не даю. И спереди тоже... Ты – дешевка по жизни. А я себе цену знаю!

«...И даже злые урки и те боялись Мурки. Воровскую жизнь она вела...»

Глава 8

Зима. Февраль. Мороз. А Марина в одном легком пальтишке. Холодно ей, но жить можно. Сейчас главное руки в тепле держать. Чтобы пальчики не окоченели.

Впрочем, долго на морозе торчать не приходится. Внимание! Клиент в поле зрения. Идет к своей машине...

– Дяденька, вы не подскажете, который час? – жалобно смотрит на него Марина.

Перчатки уже сняты, пальчики наготове.

– Двадцать три минуты седьмого, – внимательно смотрит на нее мужик.

Марина едва не расплакалась от обиды.

– Что-то случилось? – участливо спрашивает он.

– Случилось. Димка не пришел... Должен был прийти, не пришел...

– Иди домой. Замерзнешь ведь.

– Да-да, пойду.

– Может, подвезти?

– Ну что вы, я к незнакомым дяденькам в машину не сажусь...

Марине скоро девятнадцать. Но она может сыграть как двадцатипятилетнюю девушку, так и пятнадцатилетнюю соплячку.

На сцену из темноты выходит Анисим.

– Эй, мужик, ты чего к моей девчонке пристаешь?

Он с ходу толкает клиента в грудь.

– Дима, ну зачем ты так? – Марина встает между ним и терпилой. – Я просто время спросила...

– Да, тогда ладно. Иди мужик!

Лох со всех ног чешет к своей машине. А ключики от его квартиры остаются у Марины в пальчиках. Первый акт разводного спектакля закончен.

Начинается второй. Терпила подходит к своей машине, а там засада – колесо спущено. Мат-перемат, но делать нечего, надо открывать багажник и доставать запарку.

Пока мужик доставал колесо, Анисим снял слепок с его ключей. Дальше проще. Мужик орудует домкратом, а он тихонько подходит к его машине и бросает ключи в открытый багажник. Хватится терпила пропажи, найдет ее в багажнике – решит, что сам обронил. Еще порадуется, что связку в снег под машину не уронил...

Можно было бы вскрыть хату и без ключей. Но замки на дверях больно сложные, пока отмычки подберешь – можно спалиться. А с ключами – раз-два и готово. К тому же Марине жуть как интересно лоха обуть. Кровь закипает от удовольствия.

К завтраму ключики будут готовы. С утра квартира опустеет – муж и жена на работу, дети в школу. Тогда за дело возьмутся Капрон и Анисим. Кнут и Баур встанут на шухер. А Марина будет ждать результата. Свой номер она уже отпра-

ботала.

Нетрудно вытащить ключики, не так уж сложно выставить хату. Сложней всего найти стоящего клиента, у которого бабло и цацки водятся. Но Марине везет. За последние два месяца они уработали шестерых. Вычислили, развели на ключи. И всех поймали на приличные бабки. И впредь они будут работать по тому же сценарию – по точной наводке, шустро, богато. И без мокрого. Марину заводили рискованные азартные дела. Но убийства ее не прельщали. Убить она могла только, если нужно было отстоять свою честь. А так – извиняйте. Если кому нравится мокруха – на хрен из ее бригады...

Как она и предполагала, очередное дело прошло чисто и гладко. Капрон и Анисим без хлопот проникли в опустевшую с утра квартиру, навели шмон – нашли схрон с бабками. Двенадцать тысяч рубликов как с куста. Золотишко и камушки тоже имелись – не густо, но и не пусто.

Добычу делили на «малине» – так братва называла квартиру в Москве на Варшавке, где жили всем скопом. Трехкомнатные апартаменты на первом этаже высотного дома встали в копеечку. Но Марина не привыкла скупиться. Тем более что деньги всегда были.

– Не хило наварились! – ликовал Капрон.

– Обмыть это дело нужно! – осклабился Кнут.

Как будто кто-то собирался нарушать традицию. Хотя нет, традицию собиралась нарушить Марина. Не хотела она идти в кабак с братвой. С кавалером – пожалуйста. А так – ло-

мает. Слишком много пацанов на нее одну. Люди смотрят – думают, что она «двустволка» пропадающая. А когда пацаны с девками, так на их фоне она как маруха дешевая смотрится.

– Обмывайте, – кивнула она. – Только без меня. Я в Лукарск, у тетки давно не была.

Тетка всегда была рада видеть ее. Да и дядя Слава тоже встречал ее с распахнутыми объятиями. Впрочем, он был рад любому поводу, чтобы на законных правах распить пузырек беленькой.

Марина приняла душ, сама высушила и уложила волосы. Слегка подкрасила губы, чуть подвела глаза. Надо, чтобы тетка видела в ней скромную девицу. Пусть она и держит ее за оторву, но раздувать это мнение не стоит. И шубку она попроще надела – из синтетического меха. Спокойная косметика, ничего вызывающего в прикиде. Скромная девушка из скромной семьи. Кто угадает в ней хищную и отчаянную Мурку?

По пути к автобусной остановке заглянула в универсам. Взяла бутылку коньяка, кое-что к столу, отстояла длинную очередь у кассы. Припасы на руках, можно ехать.

На остановке поймала такси, села в машину, сказала, куда ехать.

– Далековато. Денег-то хватит? – лукаво посмотрел на нее таксист.

Уж не думает ли, что она натурой будет расплачиваться? Марина открыла сумочку, достала четвертную купюру,

сунула ему в лапу.

– Неплохо живешь.

– Стипендию получила...

– И все на такси?! Лихо!

Марина промолчала. Разговор с таксистом не входил в ее планы. Но таксист не унимался.

– В каком институте учишься?

– В медицинском.

– На кого?

– На гинеколога.

– Хорошее дело.

– Ага, руки всегда в тепле будут...

Водитель покосился на нее и замолчал. Понял, что разговора не выйдет.

Машина подъезжала к Лукарску, когда водитель увидел на остановке голосующего парня. Марина думала, что проедет мимо, но нет, остановил.

– Я же вам заплатила, – возмутилась она.

– Ты-то заплатила, но с тобой скучно, – буркнул мужик. –

Поговорить не с кем.

Парень открыл переднюю дверь.

– До Лукарска подбросишь?

Посмотрел на водителя, перевел взгляд на Марину. В глазах вспыхнул ухарский интерес.

– Садись.

Таксист думал, что парень займет переднее кресло рядом

с ним. Но тот полез назад, к Марине.

Она могла бы послать этого ухаля куда подальше. Могла бы, но не захотела. Что-то было в этом парне. Симпатичный, но это не главное. В глазах мягкая притягательная сила. Терпкое мужское обаяние.

– Привет, красавица! – весело улыбнулся он.

Смотрит – как будто душу из нее вытягивает.

Из вредности Марина хотела сказать что-нибудь резкое, обидное. Но острое словцо застряло в кармане, не захотело прыгать на язык.

– Ну, привет, – в недоумении пожала она плечами.

– Игнат!

– Марина, – покорно представилась она в ответ.

– Далеко едем?

– В Лукарск.

Мало того, что все слова вдруг куда-то подевались, так еще и отпала всякая охота дерзить.

– Где живешь?

– На Пятом километре.

– Да, веселое местечко.

– А что такое?

– Шпаны много. Жулики, бандиты. Криминал, одним словом.

– Не знаю. Я там всего два раза была. Тетка там у меня живет. Сама я из Тамбова. Родители там. В Москве учусь. К тетке вот решила заехать.

– Как-то невесело ты об этом говоришь, – заметил Игнат. – Вижу, что не очень к тетке хочешь ехать?

– Не очень, – кивнула Марина.

Она вдруг поняла, что куда с большей радостью она бы отправилась домой к этому красавчику. И будь что будет...

– Может, ну ее, эту тетку? – улыбнулся он так, как будто угадал ход ее мысли.

– Что, обратно в Москву заворачивать?

– Зачем обратно? Можно ко мне на огонек заглянуть. Я один живу. Одному скучно.

– Ага, сейчас!

Мысленно она сказала «да». Но для приличия нужно было поломаться.

– Ну тогда давай к тетке, а потом ко мне! – настаивал Игнат.

Марина чувствовала, что улетает куда-то в заоблачные дали. Такое с ней было впервые.

– А что у тебя делать?

– Ну, музыку послушаем. Потанцуем.

– Какой ты быстрый!

– Это плохо?

Он не просто смотрел на нее – он ее завораживал. Знал, наглец, какая сила у него в глазах. И она знала, что устоять невозможно. Да и не было желания сопротивляться. Хотелось плыть по волнам его чертовского обаяния. О тетке она уже и забыла.

– Не знаю, может, и не плохо. Ты всегда так нахрапом берешь?

– Натура дурацкая. Не люблю ходить вокруг да около.

– Ты и сам дурацкий.

– Не спорю, – обезоруживающе улыбался он. – Ну так что, едем ко мне?

– А тетка?

– Ну, к ней можно и завтра.

Он был уверен, что сегодняшнюю ночь Марина проведет в его постели. Да и она сама почему-то была уверена в этом.

– До завтра еще дожить надо, – усмехнулась она.

– Да ты не бойся, ничего с тобой не случится. Я не маньяк.

У меня даже справка есть, что я не маньяк.

– У меня справки нет. Но бояться меня нужно.

– Ну так я боюсь. Но устоять не могу. Ты такая...

– Какая?

– Честное слово, никого красивей еще не встречал!

– Трепач.

– Называй как хочешь, только не исчезай.

– А если исчезну?

– Тогда я умру. От одиночества. Но поверь, тебя перед смертью не прокляну!

– Спасибо и на этом.

– Ну так что, ко мне?

Марина промолчала. Но взгляд говорил «да».

Машина въехала во двор старой замызганной пятиэтаж-

ки.

– Вот моя деревня, вот мой дом родной! – расплылся в задорной улыбке Игнат. – Врать не буду, у меня не прибрано. И холодильник пустой. Зато у меня тепло и музыка хорошая. Пойдем!

Он вышел из машины и подал Марине руку – как будто на все сто был уверен в том, что она покорилась ему.

А она покорилась. И вышла из машины.

– Ну и молодежь пошла! – услышала она вслед.

Таксист осуждал чересчур вольные нравы современной молодежи. Но если честно, ей было до фонаря его мнение.

– Учти, убираться в твоей квартире не буду, – предупредила она Игната. – Но с голоду умереть не дам.

– Ты какой голод имеешь в виду? – с лукавинкой во взгляде спросил он.

– Ну ты и хам!

– Нет, просто сумасшедший. Ты свела меня с ума.

– И кто тебе поверит?

Марина прекрасно понимала, что перед ней типичный бабник, привыкший к быстрым победам на женском фронте. Понимала, что он морочит ей голову. Но ей все равно. Она подчинялась ему только потому, что хотела подчиниться.

Игнат жил в однокомнатной квартирке с тесной прихожей и крохотной кухней. Пол и стены просили ремонта, но, видимо, у жильца руки до этого не доходили. Или он не считал нужным облагораживать свой дом.

– Снимаешь квартиру? – догадалась она.

– Нет, бабуля в наследство оставила.

– Чего тогда дом свой в порядок не приведешь?

– Ну, все, что вокруг, – это бессмысленная оболочка, суетное бытие. Смысл в том, что внутри тебя.

– Грузить ты умеешь, – усмехнулась Марина.

Она поставила на стол пакеты с покупками.

– Что это? – для приличия спросил он.

– Смысл, о котором ты говорил, – усмехнулась она. – Хочется, чтобы он поскорее оказался внутри меня.

– А-а, девочку нужно накормить?

– И обогреть.

– О! Это всегда пожалуйста! Я стол накрою, а ты телевизор пока посмотри.

– Может, в квартире убраться?

– Ну, можно...

Самое смешное, что у Марины в самом деле вдруг возникло желание навести в доме порядок – вещи по местам разложить, вымыть полы и окна. Но желание это пропало так же быстро, как и возникло.

– Обойдешься!

Они пили коньяк, закусывали лимонами и бутербродами. Стол без изысков, грязная кухонька, тараканы вместо официантов. Но Марине здесь нравилось больше, чем в ресторане. Потому что рядом с ней находился Игнат – человек-праздник. Он без стеснения травил пошлые анекдоты,

грузил ее вульгарными байками. Марину завораживал тембр его густого голоса, его мягкий обволакивающий взгляд пьянил похлеще коньяка.

Он не говорил, где работает, чем занимается в этой жизни. Но Марину это вовсе не интересовало. Ей было абсолютно все равно, кто он такой. Ей нужна была его сильная мужская сущность.

Зато ему было интересно знать, где она учится. Вернее, не где, а на каком курсе. Марина сказала, что на втором. Методом несложных подсчетов можно было определить ее возраст – от восемнадцати и выше. Так что отвечать ему за соращение малолетних не придется. А за соращение совершеннолетней он ответит перед ней самой. Так хотелось, чтобы он поскорее ответил за это. Но Игнат не спешил.

С кухни они перекочевали в комнату. Он усадил ее на диван, включил музыку. Ничего экзотического, обычные итальянцы. Но Игнат их не слушал. Продолжал молотить всякую чепуху. И держался от Марины на пионерском расстоянии. А ей хотелось, чтобы он поскорей обнял ее, потесней прижал к себе. Ей нужен был натиск, который бы затушил разбушевавшийся внутри огонь... Такое с ней было впервые. А Игнат тянул ее чувства за хвост...

Наконец она не выдержала. Поднялась со своего места.

– Извини, мне уже пора!

– Да, конечно, – загадочно улыбнулся он. – Я провожу...

Он подал ей шубу, помог одеться. Сам влез в свою дуб-

ленку. Открыл входную дверь.

Марина резко развернулась к нему. Отчаянно ухватилась за него взглядом.

– Ну ты и козел! – прошипела она.

Порывисто обхватила руками его шею, жадным поцелуем впилась в его губы... В голове все смешалось, тело сотрясилось под натиском огнедышащих чувств.

Игнат этого только и ждал. Подхватил ее на руки, отнес в комнату, уложил на диван. Дальше произошло то, что должно было произойти. Он сделал то, что обязан был сделать. Только сейчас Марина узнала, что это за счастье такое – жаркая близость с желанным мужчиной.

* * *

Игнат вскружил ей голову. Все мысли о нем. Она очень хотела быть с Игнатом. Очень-очень хотела. И даже возбуждалась, когда думала о нем. А думала она о нем постоянно. Поэтому воровская романтика ее сейчас мало волновала. Марина не узнавала себя. И Капрон косился на нее.

– Ты вся как на иголках, – заметил он. – Что случилось?

– Тетка заболела, – соврала она. – Из больницы выписали, а она совсем плохая. Уж не умирать ли домой отправили?

– Что у нее?

– Да не знаю. Она мне ничего не говорит. Все в порядке, все в порядке, но я-то вижу, плохо ей. А ведь я ее люблю.

Сейчас поняла, что люблю.

Она говорила про тетю Лиду, но думала об Игнате. Вот кого она любила. Вот с кем она должна была быть рядом.

Зазвонил телефон. Марина метнулась к аппарату.

– Да.

Она надеялась услышать голос Игната. Но на проводе был Баур.

– Все путем, – коротко и с чувством исполненного долга сообщил он. – «Карась» на удочке, выдергивать надо.

Баур и Анисим разрабатывали очередную жертву. Получили наводку на жирного «бобра», пробили ситуацию вокруг него. Быстро управились, ничего не скажешь. Но Марину это нисколько не радовало. Не вдохновляла ее воровская суета.

Марина положила трубку. Не обсуждать же детали по телефону. Вечером Анисим и Баур будут дома, тогда она с ними и поговорит. Если захочет. Вряд ли захочет. Пусть Капрон все решает. Пусть он будет центровым, ей все равно. Если надо, она поможет решить проблему с ключиками – по проверенному сценарию. И умоет руки...

Игнат знал номер ее телефона. Марина его дала, по глупости, можно сказать. Не подумала, что «малину» засвечивает... Но откуда Игнату знать, где и с кем она живет?.. Да и не звонит он. Считай, неделя прошла, а от него ни слуху ни духу. Поматросил и бросил? Может быть. Он же бабник... Козел!

Марина зашла в комнату, где оставила Капрона. А там

сюрприз. Капрон в кресле, а на коленях у него очередная ма-
руха. Чернявая «веревка» с воловьими глазами. Обняла Ка-
прона за шею, что-то шепчет ему на ухо. А тот млеет. По-
хоже, ему до фонаря, кто звонил. Все проблемы на Марину
взвалил. Привык, что она дела разруливает.

– Я вам не помешала? – язвительно спросила она.

Капрон встрепенулся, хлопнул свою девку по заднице, та
как подстреленная спорхнула с его колен. Опасливо глянула
на Марину и просквозила мимо нее.

«Шалава!» – хотела она бросить ей вслед. Но промолча-
ла. Может, у девки любовь. Может, она жить без Капрона не
может? Марина-то уже знала, что такое любовь.

– Блин, сам не знаю, как вышло, – развел руками Ка-
прон. – Сижу, а она бац!

– А ты не оправдывайся...

– Да я не оправдываюсь, – пожал он плечами. – Просто
гадюшник развел. Надо было ей вчера под зад пнуть, а я у
себя оставил. А ты что, ревнуешь? – с надеждой посмотрел
на нее Капрон.

– Проехали, – поморщилась она.

– Кто звонил?

– Баур. Лоха пробили. Похоже, что в цвет.

– Уработать надо.

– Давай за руль и работай. А мне к тетке ехать надо.

– Прямо сейчас?

– Я туда и обратно.

К дому Игната Марина подъехала на такси. Только она вышла из машины, как появился Игнат. С какой-то кралей под ручку.

Марина перегородила им путь.

Сегодня она не скромничала. Яркая косметика, пышная прическа, песцовая шуба. Во всей своей красе перед Игнатом предстала. У того и челюсть отвисла.

– Марина?! – удивленно протянул он.

– Сейчас ты скажешь, что это твоя сестра, – уничтожающе посмотрела она на его спутницу.

– Нет, не сестра...

– А что такое? – вскинулась девка.

– Твой номер шестой, – Марина окатила ее презрительным взглядом, – лучше молчи.

– Игнат, что это значит? – сконфуженно возмутилась девка.

– Катя, извини, я не говорил, что у меня есть невеста.

– Она такая же дура, как и ты! – истерично взвизгнула краля.

Оттолкнулась от Игната и нервной походкой скрылась в темноте.

Марина махнула рукой таксисту. Пусть отчаливает. Она остается с Игнатом. Никуда он от нее не денется.

– Марина, ты меня ошаршила... – в растерянности потер щеку Игнат.

– Я же твоя невеста! – ехидно усмехнулась она.

– Знать бы, из какого теста.

– Из мягкого. Но с горчичкой.

– А ты непростая.

– Какая есть. Что, так и будем стоять?

– А, ну да. Прошу!

В квартире ничего не изменилось. Бардак. Но Марина чувствовала себя на седьмом небе. Потому что рядом с ней был Игнат. И плевать, что он бабник...

Игнат помог ей снять шубу. Возбужденно окатил ее взглядом с ног до головы. Марина знала, чем его взять. Смелая блузка с открытым верхом, короткая юбка в обтяжку – чуть нагнись, и взгляду откроется верхний срез чулок... А нагнуться пришлось. Чтобы снять высокие, на длинном каблучке сапоги. Игнат бесстыже смотрел на нее во все глаза. Но это несколько ее не раздражало. Напротив, внутри у нее все пело от страстного восторга.

Она сама взяла его за руку, провела в комнату.

– Откуда ты такая? – очумело спросил он.

– Из института... А что?

– Да, Катька в самом деле – шестой номер по сравнению с тобой.

– Долго будешь по пятому номеру работать?

– Не понял.

– Не надо под психа косить. Коси под гусара, тебе это лучше идет. Ну чего ты стоишь как пень?

Марина сгорала от нетерпения. И не скрывала этого.

Мягким кошачьим движением она вытянула вперед руку, уперлась ею в грудь Игнату. И с силой толкнула его. Он упал на разобранный диван. И она готова была наброситься на него. Но сначала нужно снять блузку, юбку...

Она осталась в неглиже. Вид у нее чумовой. Распушенные волосы, шелковые корсет, чулки на подвязках... Она же знала, куда и зачем ехала?.. Никуда Игнату от нее не деться!

– Марина, ты меня убила! – ошалело пробормотал он.

– Придется тебя оживить...

Она сама набросилась на него. Сама утонула в нем. И ей нисколько не было стыдно. Ведь она любила этого человека.

Глава 9

Мурка и Анисим чисто отработали свой номер. Обработали терпилу, вытащили у него ключи. Сняли слепки. Пропажу вернули на место. Все как всегда.

И дальше все в тему. Поутру жертва отправилась на работу, хата опустела, и Капрон взялся за дело. Вместе с Кнутом проник в квартиру. Глаз у него наметан. Всего полчаса понадобилось ему, чтобы найти схрон. Как и предполагалось, «бобер» оказался жирным. На рыжье он был не богат, зато бабла – шесть «котлеток» по пять «кусков» в каждой. Вот это навар!

Хата богатая. Кнут хотел было прихватить забугорный видюшник. Но Капрон дал ему по рукам. Не хрен на мелочовку размениваться. От этой мелочовки только проблемы.

Но возникла другая проблема. Они уже собирались уходить, когда нежданно-негаданно появился хозяин. Открыл дверь, вломился в хату. И в прихожей нос к носу столкнулся с Кнутом, который шел впереди.

Терпила не шуганулся. С визгом схватил Кнута за грудки, но тут же просел в коленях. Глаза закатились, тело прогнулось, руки сами разжались. Мужик разложился по полу. А Кнут спокойно вытер окровавленный нож о рукав его пальто. На нож терпилу посадил... Мокруха...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.